

INSPIRIA

РЕДКАЯ СМЕСЬ ЛИХОРАДОЧНОЙ
ОДЕРЖИМОСТИ И НЕЖНОГО ОЧАРОВАНИЯ

КРИСТИНА ЛОРЕН

18+
ОТ КРОВЯНЫХ СЦЕН С ОЖИЖИТ

КЭТИ
ЭВАНС

ЛЮБОВНЫЙ НОКАУТ

Р А У Н Д 1

INSPIRIA

Кэти Эванс
Раунд 1. Любовный нокаут
Серия «Passion. Красный грех»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65061722

Раунд 1. Любовный нокаут: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-117810-9

Аннотация

Забудьте все, что знали о страсти. Представляю вам лучшего из лучших, единственного и неповторимого, Ремингтона Тейта! Накачанное тело, стальной удар, пищевые фанатки – все без ума от Реми.

«Ничего личного, просто бизнес» – думала Брук, когда получила работу мечты. Она не первый день в спорте, и ей предстоит сделать Ремингтона лучше. Лучше? Но ведь он идеален, Брук! А ты забываешь обо всем, когда он рядом... Пять, четыре, три, два, один... нокаут.

Первая книга горячего цикла о красавце-борце и юной девушке, которая не в силах сопротивляться чувствам, – оно и прекрасно! Эта история любви пришлась по душе многим читателям, которые с нетерпением ждали выхода новых частей. Не зря роман Кэти Эванс стал бестселлером New York Times и USA TODAY.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	35
Глава 3	62
Глава 4	87
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Кэти Эванс

Раунд 1. Любовный нокаут

© Любимова Е., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

«Меня зовут Ремингтон Тейт»

БРУК

Мелани последние полчаса орала мне в ухо, к тому же мои нервы были на пределе от разворачивающегося перед моими глазами зрелища, так что я едва ли могла что-нибудь услышать, кроме сумасшедшего биения собственного сердца, отдающегося в висках. У меня голова гудела при виде того, как два бойца на ринге боксерского клуба свирепо атаковали друг друга – оба высокие, мощные, мускулистые, оба готовые превратить в кровавое месиво лицо соперника.

Всякий раз, когда они отвешивали друг другу удары, зал взрывался аплодисментами и одобрительными криками – там собралось не менее трехсот зрителей, и все они жаждали крови. Но, что хуже всего, я каждый раз *отчетливо* слышала отвратительный звук, когда кулак врезался в плоть, и волосы на моих руках вставали дыбом от невыносимого страха. Каждый из мужчин мог в любую секунду рухнуть на пол и больше никогда, вообще никогда, не подняться.

– Брук! – завопила моя лучшая подруга Мелани и обхватила меня за плечи. – Послушай, тебя, кажется, вот-вот вырвет. Еще бы, это зрелище явно не для тебя.

Честно говоря, я была готова убить ее прямо сейчас.

Как только смогу оторвать взгляд от этих бойцов и пойму, что они еще дышат. После того как закончится этот раунд, я безо всякой жалости убью свою лучшую подругу за то, что она притащила меня сюда, а потом и себя – за то, что согласилась составить ей компанию.

Но моя бедная милая Мелани сейчас переживала очередной приступ влюбленности, и как только выяснила, что новый объект ее ночных фантазий находится в городе и собирается принять участие в этих «закрытых» и «очень опасных» боях в боксерском клубе, упросила меня пойти с ней, чтобы на него посмотреть. Надо сказать, она всегда отличалась необузданным нравом и по жизни очень настырна. Так что теперь я вынуждена сидеть здесь и смотреть, как она прыгает и визжит от восторга.

– Он будет выступать следующим, – прошипела она мне в ухо. Очевидно, ей было абсолютно безразлично, кто выиграл предыдущий бой и выжили ли его участники. Слава богу, кажется, оба уцелели.

В зале наступила тишина, и комментатор громко объявил:
– Леди и джентльмены, а сейчас... наступает момент, которого вы так ждали... на ринг выходит боец, ради которого все вы сюда пришли. Итак... представляю вам лучшего из лучших, единственного и неповторимого Ремингтона «Рипа»¹ Тейта!

¹ Прозвище Ремингтона – Рип, или Рипгайд (англ. *Rip, Riptid*) означает сильнейшее течение (быстрина), с которым ни один человек не может справиться.

По моей спине пополз холодок, когда толпа впала в неистовство от одного лишь произнесенного комментатором имени – особенно усердствовали женщины, чьи нетерпеливые крики заглушали друг друга.

Реми! Люблю тебя, Реми!

Я у тебя отсосу, Реми!

Реми, трахни меня, Реми!

Ремингтон, разорви меня!

Ремингтон, я хочу тебя!

Головы всех зрителей повернулись в сторону фигуры в красной накидке с капюшоном, когда боксер быстро шел к рингу. Очевидно, участникам сегодняшнего боя перчатки не полагались, и я видела, как он сгибал и разгибал длинные пальцы прижатых к бедрам рук – крупных и загорелых.

По другую сторону ринга напротив меня какая-то девица с гордым видом размахивала плакатом, который гласил: «РЕМИ – № 1, суки!», и выкрикивала эти слова во все горло, а то вдруг он читать не умеет или не заметит ядовито-розовых букв, усыпанных блестками?

Я поразились до глубины души, только сейчас узнав, что моя безумная подруга – не единственная женщина в Сиэтле, которая буквально потеряла голову от этого парня, но тут она нервно сжала мою руку.

– Ну посмотри же на Реми и попробуй только сказать, что

Далее в книге также обыгрывается надпись на надгробных памятниках: *RIP (rest in peace* – «покойся с миром»). – *Здесь и далее прим. перев.*

не будешь готова на все ради него.

– С какой это стати я должна быть ради него на что-то готова? – произнесла я, не желая сдаваться.

– Да ты сейчас все пропустишь, – взвыла подруга. – Смотри же на него. *Смотри!*

Она обеими ладонями развернула мою голову в сторону ринга, но я только расхохоталась. Мелани искренне любит мужчин. Любит с ними спать, сохнуть по ним, сходить с ума от любви, но когда наконец заполучит объект своей страсти, то никогда не может его удержать. Я же, напротив, всегда оставалась к ним безразличной и вовсе не ощущала склонности завязывать с кем-то прочные отношения.

Перед глазами у меня стоял дурной пример моей романтической младшей сестрицы Норы, вокруг которой всегда вилось достаточно парней, наполнявших ее жизнь драмами, так что их было больше чем достаточно для нас двоих.

Я посмотрела на ринг как раз в тот момент, когда боец сбросил красную атласную накидку с надписью РИП на спине и повернулся к зрителям, которые зашлись в неистовых приветственных криках. Его лицо, ярко освещенное лучами прожекторов, оказалось напротив меня, и я замерла на месте, разинув рот, как полная идиотка. Боже мой!

Боже.

Мой.

Эти ямочки на щеках.

Четко очерченный подбородок, покрытый легкой щети-

ной.

Мальчишеская улыбка. Сильное, мускулистое тело.

Убийственной красоты загар.

По спине у меня поползли мурашки, и я сидела, как и все, зачарованная этим зрелищем.

Его черные волосы были волнующе взъерошенными, словно по ним только что пробежались женские пальчики. Божественные скулы, столь же четко обрисованные, как и подбородок и лоб. Полные яркие губы, словно припухшие от поцелуев, а на подбородке красовался след от губной помады – подарок, который он успел получить по пути на ринг. Я скользнула взглядом по его длинному стройному телу, и меня бросило в жар, сердце бешено заколотилось.

Он завораживающе совершенный и невероятно brutальный. Все его тело – от прекрасных стройных бедер и узкой талии до широких плеч – словно литое. А эти кубики брюшного пресса... Безумно сексуальная V-образная «линия Адониса» уходила под атласные синие шорты, плотно охватывающие мощные мускулистые ноги. Руки опоясывали татуировки в виде кельтских узоров в том месте, где впечатляющие бицепсы соединялись с дельтовидными мышцами плеч.

– Реми! Реми! – истошно вопила Мел рядом со мной, сложив ладони рупором. – Ты до безумия сексуален, Реми!

Он обернулся на крик и посмотрел на нас, улыбаясь, отчего на его щеке появилась ямочка. По моему телу прокатилась нервная дрожь, но не от того, что он так невыразимо

прекрасен – хотя его совершенство было неоспоримо, – а от того, что он взглянул мне прямо в глаза.

Одна его бровь приподнялась, и в его изумительных голубых глазах промелькнула искорка удивления, сменившаяся симпатией. Похоже, он подумал, что эти слова прокричала я. Вот черт!

Неожиданно Реми подмигнул мне, и я почувствовала непонятное волнение, когда улыбка медленно сползла с его лица и на нем появилось странное выражение, словно между нами установилась какая-то очень личная связь. Это было просто удивительно!

Моя кровь вскипела.

Промежность свело судорогой, и меня затрясло при мысли, что он об этом наверняка догадывается.

Я не сомневалась, что этот тип мнит себя венцом творчества и считает, что каждая женщина в зале готова стать Евой, созданной из его ребра для его же услады. Я ощущала одновременно возбуждение и бешенство, и это были самые противоречивые чувства, которые я когда-либо в жизни испытывала.

Он отвернулся, слегка скривив губы, когда наконец объявили его соперника:

– Только для вас сегодня Великолепный Керк «Кувалда» Дерквуд!

– Ну и сука ты, Мел! – придя в себя, сказала я, шутливо толкая подругу в плечо. – Он теперь подумает, что это у меня

не все дома.

– О боже, скажи, что это не тебе он только что *подмигнул*. – Мелани явно удивилась.

Боже мой! Он и правда это сделал. Или мне показалось? Нет, *точно* подмигнул.

Я была потрясена не менее, чем моя подруга, все еще прокручивая этот момент в памяти. Хороший повод поиздеваться над Мелани, тем более что она это заслужила, маленькая мерзавка.

– Да, он мне подмигнул, – признала я в конце концов, ухмыляясь. – Между нами установилась телепатическая связь, и он сказал мне, что хочет, чтобы я стала хозяйкой в его доме и матерью его милых детишек.

– Можно подумать, ты согласишься спать с таким, как он, с твоими-то комплексами, – изрекла она, заливаясь хохотом, в то время как соперник Ремингтона сбросил с плеч свою накидку – настоящая гора мышц, но ни один сантиметр его тела и близко не мог сравниться с мужественным совершенством Рипа.

Ремингтон согнул руки, прижатые к телу, вытянул пальцы и собрал их в кулаки, упруго попрыгал. Он был очень высоким и мускулистым, но неожиданно легким, что означало – а уж об этом-то я могла судить, поскольку когда-то занималась бегом, – что он удивительно силен, ведь подпрыгивать настолько легко и беззвучно с такой массой тела не так-то просто.

Кувалда выбросил вперед руку и попытался первым нанести удар. Ремингтон ушел от кулака, легко отпрыгнув назад, и нанес сопернику сильный боковой удар в челюсть. Его мощь произвела на меня настолько сильное впечатление, что я содрогнулась. Тело мое болезненно сжималось, когда я смотрела, как мышцы Реми сокращаются и расслабляются при каждом ударе.

Толпа, словно замороженная, неотрывно следила за продолжающимся боем, а от ужасных звуков ударов, напоминающих треск ломающихся костей, у меня по коже бежали мурашки. Но меня беспокоило не только это. На моем лбу предательски выступили капельки пота и падали мне прямо на блузку. По мере продолжения схватки мои соски все сильнее напрягались, словно готовясь прорвать тонкую шелковую ткань. Совершенно непонятно почему сама картина того, как Ремингтон Тейт лупил парня по прозвищу Кувалда, заставляла меня нервничать и чувствовать дискомфорт. Уж такого я никак не ожидала, более того, это мне совсем не нравилось.

Боже, как же он двигался, стремительно наносил удары, даже *рычал...*

Внезапно зрители начали скандировать: «*Реми... Реми... Реми...*»

Я повернулась и увидела, как Мелани подпрыгивает, приговаривая:

– Боже, ну врежь же ему, Реми! Отправь его в нокаут, мой

сексуальный зверь!

Она взвизгнула от восторга, когда противник Реми с тяжелым стуком завалился на пол. Мои трусики были насквозь влажными, пульс зашкаливал. Я никогда не одобряла насилие. Это ведь не я стою и моргаю в замешательстве, охваченная целой гаммой неизведанных ранее чувств. Вожделение, жгучее, непреодолимое вожделение в своем первоизданном виде пробежало по всем моим нервным окончаниям.

Судья поднял руку Ремингтона в знак победы, и, не успев выпрямиться после сокрушительного удара, который он только что нанес противнику, он посмотрел прямо мне в глаза, и мой живот скрутило от спазмов. Поблескивающая от пота грудь бойца тяжело вздымалась и опускалась, из уголка рта стекала капелька крови. И этот парень сейчас неотрывно смотрел мне в глаза.

Под кожей пробежала жаркая волна, казалось, ее лизали языки пламени. Я никогда не признаюсь в этом Мелани и даже себе самой, но, кажется, я никогда в жизни не встречала такого сексуально привлекательного парня. Взгляд, устремленный на меня, был полон страсти. То, как он стоял там, на ринге, с рукой, поднятой вверх, с блестящей от пота кожей, под которой перекачивалась великолепная мускулатура, весь исполненный уверенности в своей непобедимости, о чем еще раньше говорила мне Мел, когда мы с ней ехали в такси, – все это сводило меня с ума.

В его настойчивом взгляде не было ни капли смущения.

От того, как он игнорировал тех, кто в восторге выкрикивал его имя, и стоял, глядя на меня в упор завораживающим взглядом, я чувствовала себя так, будто он овладел мной прямо сейчас, у всех на виду. Представив, как я сейчас выгляжу в его глазах, я пришла в полное смятение.

Мои длинные прямые волосы цвета красного дерева разметались по плечам. В тот день я надела шелковую блузку без рукавов с высоким воротничком из прозрачных кружев, аккуратно заправив ее в стильные черные брюки с высокой талией. Изящные золотые серьги-кольца прекрасно оттеняли мои глаза цвета виски с медом. Но, несмотря на консервативный наряд, я чувствовала себя совершенно голой.

Ноги мои подкосились, похоже, я стану следующей, кого нокаутирует этот парень. Причем своим членом. О боже, о чем я только что подумала? В конце концов, я же не Мелани. Напряжение, растущее в животе, меня просто бесило.

– Реми, Реми, Реми! – все громче скандировали зрители.

– Хотите снова увидеть Реми на ринге? – спросил толпу человек с микрофоном в руке, и она взорвалась в ответ оглушительным ревом. – Отлично, ребята. Сегодня вас ждет новый бой с участием другого, более достойного Реми соперника.

На ринг вышел следующий участник, и я поняла, что больше не в силах выносить напряжение. Моя нервная система явно была перегружена. Наверное, воздерживаться от секса так много лет – не самая лучшая идея. Я была настоль-

ко возбуждена, что даже не могла произнести ни слова и еле стояла на ногах. Я повернулась к Мел и сказала ей, что мне нужно в туалет.

Пробираясь между зрителями, я услышала, как громкий голос объявляет в микрофон:

– А теперь, леди и джентльмены, вызов нашему нынешнему чемпиону бросает Паркер «Ужас» Дрейк!

Толпа снова впала в неистовство, и я явственно расслышала гулкий звук от врезающегося в плоть кулака.

Отчаянно сопротивляясь желанию оглянуться и посмотреть, что вызвало такое оживление, я повернула за угол и направилась напрямиком к дамской комнате, и тут услышала голос распорядителя:

– Это что-то невероятное! У нас снова нокаут! Так быстро! Да-да, леди и джентльмены. Вы снова стали свидетелями, как наш Рип отправил соперника в нокаут, и я снова объявляю его победителем. Эй, Рип, какого черта? Смотрите-ка, он перемахнул через канаты и... Стой, Рип, куда ты?

Я шла по коридору, оглушенная ревом обезумевшей толпы: «Рип! Рип!» А потом вдруг наступила мертвая тишина, словно случилось нечто невообразимое.

Я недоумевала по поводу этого странного молчания, как вдруг отчетливо услышала за спиной шаги. Кто-то схватил меня за руку, и от прикосновения теплой ладони у меня по телу прошла невольная дрожь. Я резко развернулась.

– Какого..?

Я едва не задохнулась от смущения при виде потной мужской груди и сверкающих голубых глаз, чувствуя, как совершенно теряю контроль над своими чувствами. Он стоял очень близко, и его запах подействовал на меня как выброс адреналина.

– Как тебя зовут? – хрипло спросил он прерывающимся голосом, глядя на меня диковатым взглядом.

– М-м-м... Брук.

Его животный магнетизм оказался настолько мощным, что я едва могла соображать, даже не слышала собственного голоса. Он бесцеремонно вторгся в мое личное пространство, заполнил его, поглощая меня, забирая кислород из моих легких, и я не могла понять, почему мое сердце еще бьется. Так я стояла там, поеживаясь, словно в лихорадке, и, казалось, все мои чувства и ощущения сосредоточились на той части тела, где его рука касалась моей.

– Брук, а дальше? – требовательно спросил он, слегка раздувая ноздри.

По-прежнему дрожа всем телом, я не без усилий высвободила руку и с опаской оглянулась на Мел, которая подошла к нам и теперь стояла за его спиной с широко раскрытыми от удивления глазами.

– Эту девушку зовут Брук Думас, – выпалила она и по цифрам продиктовала мой номер телефона. К моему большому неудовольствию.

Он изогнул свои чувственные губы в улыбке и посмотрел

мне прямо в глаза.

– Брук Думас.

И все это под изумленным взглядом Мел.

Он произнес мое имя так, словно ласкал его языком, и голос его казался глухим и полным греховного соблазна, как сладости, которые ты так жаждешь съесть, несмотря на запреты. И снова волна темного желания начала подниматься с самого низа моего живота. Его глаза наполняла страсть – такое впечатление, что он уже считал меня своей. Никогда в жизни никто на меня не смотрел так, как Ремингтон.

Он сделал еще один шаг ко мне, и его влажная ладонь легла мне на затылок. Мое сердце понеслось вскачь, когда он наклонил темную голову и коснулся моих губ легким поцелуем. Возникло впечатление, что он поставил на мне свою метку. Как если бы это была прелюдия к чему-то большему... к чему-то, что может круто изменить мою жизнь или сломать ее.

– Брук Думас, – мягко повторил он мое имя хрипловатым голосом, почти не отрывая от меня губ, а потом с улыбкой отстранился. – Меня зовут Ремингтон Тейт.

Я продолжала чувствовать прикосновение его рук, когда мы с Мелани ехали домой. Ощущала нежность его поцелуя. Боже, я все еще с трудом дышала и сидела в напряжении, словно свернувшаяся в кольца кобра, на заднем сиденье такси, тупо глядя в окно на проплывающие мимо огни города и отчаянно пытаюсь избавиться от ощущений, переполняв-

ших мое тело. К сожалению, поделиться этим я могла только с Мел – не самой подходящей кандидатурой для подобных излияний.

– Это было впечатляюще, – едва слышно произнесла подруга, сидевшая рядом со мной.

Я тряхнула головой.

– Что ты такое говоришь, Мел? Считаешь, что ничего страшного не произошло? Этот парень поцеловал меня на глазах у всех! Ты разве не понимаешь, что там была куча народа и все нацелили на нас свои смартфоны? Какого черта он это сделал?

– Брук, все же от него без ума и, естественно, хотят его сфотографировать. Даже у меня все внутри перевернулось, когда он бросился за тобой, хотя этот поцелуй и предназначался не мне. Никогда в жизни не видела, чтобы мужчина так рвался познакомиться с женщиной. Боже правый, это прямо как в эротическом любовном романе.

– Лучше заткнись, Мел, – со стоном произнесла я. – Вот из-за этой необузданности его и выгнали из большого спорта. Совершенно очевидно, этот парень опасен, безумен или то и другое в одном флаконе.

При этом я все еще сильно напряжена от возбуждения. Все еще ощущала кожей этот страстный, исполненный неприкрытого желания взгляд. Я чувствовала себя оскверненной. Мой затылок все еще покрывался мурашками при воспоминании о прикосновении вспотевшей ладони Реми. Я

в нетерпении потеряла голову, но ощущение покаяния не проходило. Я никак не могла усмирить свое тело. И душу.

– А если серьезно, то тебе и в самом деле надо почаще выходить на люди. Может, у Ремингтона Тейта и плохая репутация, но он просто непростительно сексуален, Брук. Да, он вылетел из спорта из-за плохого поведения, потому что у него буйный, необузданный характер. Но если подумать, откуда мы знаем, что на самом деле происходило у него в жизни? Помнится, там была какая-то ужасная история – видела пару заголовков, – но сейчас об этом никто и не вспоминает. Зато теперь он фаворит в профессиональной лиге, и все без исключения бойцовские клубы его просто обожают. Толпы девиц сбегаются на все его выступления.

Какая-то часть меня все еще отказывалась принимать то, как Реми смотрел на меня – словно не было вокруг толпы заходящихся в неистовых криках женщин. Он видел только меня, и это заводило меня тем сильнее, чем дольше я об этом думала. Его взгляд был полон безудержной страсти, а мне меньше всего тогда требовались страстные взгляды. Мне не нужен этот мужчина, впрочем, как и любой другой, и точка. Все, что мне нужно, – это работа, моя карьера. Я только что прошла интернатуру в местной средней школе и сходила на собеседование в один из лучших в городе реабилитационных центров для спортсменов. Прошло уже две недели, но мне пока не перезвонили.

И теперь я уже начинала паниковать, думая, что мне никто

так и не позвонит.

Слов нет, чтобы передать, насколько сильно я расстроена в последнее время.

– Мелани, посмотри на меня, – настойчиво произнесла я. – Я что, похожа на шлюху?

– Да брось, дорогая. Ты выглядела самой приличной леди в зале.

– Если бы отправилась туда в деловом костюме, то, наверное, этот наглец не обратил бы на меня внимания.

– А может, лучше начать одеваться полегкомысленнее, чтобы, так сказать, слиться с окружением? – Она ухмыльнулась, а я нахмурилась еще больше.

– Ненавижу тебя. Отныне зарекаюсь ходить с тобой на подобные сомнительные мероприятия.

– Вовсе ты меня не ненавидишь. Обнимашки-и? – Я наклонилась к ней и слегка приобняла, но тут снова вспомнила про ее недавнее предательство.

– Как ты могла дать ему мой номер телефона? Мы же с тобой практически ничего не знаем об этом парне, Мел. Или ты хочешь, чтобы в один прекрасный день меня прикончили в каком-нибудь темном переулке и бросили мое бездыханное тело в мусорный контейнер?

– Ну, подобное вряд ли может случиться с девушкой, которая закончила так много курсов самообороны.

Я вздохнула и осуждающе покачала головой, но очаровательная улыбка подруги обезоружила меня. Никогда не мог-

ла долго злиться на нее.

– Ну же, Брук, давно пора начать новую жизнь, – прошептала Мел, словно читая мои мысли. – Только представь, новая совершенная Брук, которая сейчас даже лучше прежней и готова время от времени заводить романы с мужчинами. Тебе же это не мешало во время твоей спортивной карьеры?

Перед глазами у меня промелькнул образ обнаженного Ремингтона, и это было настолько возбуждающе, что я принялась ерзать на сиденье, а потом сердито уставилась в окно, потряхивая головой. Ощущения, невольно возникавшие при одной мысли о нем, приводили меня в неистовство. Я вся горела, словно в лихорадке.

Вообще-то я не так уж против того, чтобы вступать с кем-то в сексуальные отношения, но это непременно повлечет за собой всяческие сложности, а в тот момент я вовсе не чувствовала себя морально и эмоционально готовой снова погружаться в это. Я все еще не оправилась после своего рокового падения и еще только нащупывала путь к новой жизни и карьере. На YouTube до сих пор висит ролик под названием «Думас: ее жизнь закончена!», снятый каким-то любителем во время отборочных соревнований перед моими первыми Олимпийскими играми и некоторое время назад получивший множество просмотров – как, впрочем, и другие сюжеты со страдающими, униженными людьми. Ролик увековечил как раз тот момент, когда моя жизнь разлетелась на осколки, и теперь кто угодно мог пересматривать его бес-

счетное количество раз, злорадствуя. Там запечатлена каждая секунда – как у меня сводит четырехглавую мышцу бедра, как я спотыкаюсь, как рвется передняя крестообразная связка и мое колено подгибается.

Этот милый видеосюжет длится более четырех минут. На самом деле какой-то неизвестный папарацци все время направлял камеру исключительно на меня, словно вокруг никого больше не видел. Там можно было слышать женский голос, произносящий: «Ну вот и все, ее жизнь кончена». Очевидно, это и дало название ролику, на котором теперь все могут увидеть, как я, корчась от боли, ухожу с дорожки и рыдаю навзрыд. Рыдала я вовсе не от невыносимой боли в колене, а от отчаяния из-за собственного поражения. И в тот момент я просто хотела раствориться, чтобы мир не видел меня, хотела умереть, потому что понимала – все годы усердных тренировок оказались напрасны. Но земля не разверзлась тогда под моими ногами и не поглотила меня – вместо этого мои мучения кто-то снял на камеру.

Лавина комментариев под этим видео все еще была свежа в моей памяти. Некоторые люди желали мне удачи в других делах и сожалели о случившемся. Другие откровенно злорадствовали и отпускали гнусные шуточки, словно я сама была виновата в том, что случилось.

Вот эти самые комментарии и поселили в моей душе сомнения в собственных силах, которыми я день и ночь терзалась много лет подряд, бесконечно проигрывая в голове ту

ситуацию и все, что происходило позже, и пытаюсь понять, что пошло не так. Да, я порвала крестообразную связку дважды, так как упрямо ходила на тренировки, отказавшись поверить в то, что моя жизнь кончена. Мне так и не удалось выяснить, что же я делала неправильно, и теперь было совершенно очевидно, что физически я просто никогда не смогу обрести прежнюю форму.

Вот поэтому я сейчас очень старательно пыталась жить так, словно никогда не стремилась к олимпийским победам, и отношения с мужчиной – это последнее, на что я стану тратить время, полностью посвятив себя новой профессии, которую избрала.

Моя сестрица Нора – чрезвычайно увлекающаяся, романтическая натура. Несмотря на то что ей совсем недавно исполнился двадцать один год – она на три года меня младше, – жила самостоятельно, странствуя по миру, и частенько присылала мне и родителям фотографии, сообщая об очередном бойфренде.

Хотите знать, как обстояли дела с моей личной жизнью? Я провела все годы юности, тренируясь до седьмого пота, и моей единственной мечтой была золотая олимпийская медаль. Но увы, вопреки стремлениям моей души, тело подвело меня до того, как я была готова к победам, и я так и не попала на главные в моей жизни соревнования.

Когда приходится смириться с тем, что тело больше не может вам подчиняться, то душевная боль гораздо хуже фи-

зической боли от самой травмы. Вот почему я так полюбила спортивную реабилитацию. Если я не получала адекватную помощь в реабилитационных центрах, то злилась и впадала в депрессию. Именно поэтому я решила посвятить себя тому, чтобы по мере сил оказывать помощь молодым спортсменам после травм, даже если мне самой с этим не слишком повезло. И именно поэтому я так стремилась как можно быстрее получить работу – мною двигало желание стать *успешной* хоть в чем-то.

Но, как ни странно, когда я лежала той ночью без сна, то думала вовсе не о непутевой сестрице, не о карьере и даже не о том злополучном дне, когда рухнули мои надежды на олимпийские победы.

Я думала лишь о голубоглазом демоне, чьи губы прикасались к моим.

На следующее утро мы с Мелани отправились на пробежку в соседний парк, что мы в обязательном порядке делаем каждые выходные, независимо от того, светит солнце или льет дождь. Мы всегда брали с собой плееры, но в тот день мы не слушали музыку, а болтали.

– Ты взорвала Твиттер, маленькая потаскушка! А ведь на твоём месте должна была быть я.

На бегу она что-то листала на экране смартфона, и я, пы-

таясь подглядеть, что ее так заинтересовало, огрызнулась:

– Ну и дала бы ему тогда свой номер телефона, а не мой.

– Кстати, он тебе уже позвонил?

– Да, и назначил встречу в Сити-Холле в одиннадцать. И попросил не брать с собой безумную подружку.

– Ха-ха, так я и поверила, – сказала она, выхватила мой телефон, сунув мне в руки свой, и набрала код, чтобы получить доступ к сообщениям.

Я недовольно прищурилась – эта несносная маленькая кошечка знала все мои пароли, впрочем, я сама не могла от нее ничего скрыть, даже если бы и хотела. Остается только надеяться, что она не заглянет в историю поиска в *Google*, иначе поймет, что я искала в интернете информацию о Реми. Честно говоря, мне вовсе не хотелось признаваться, что я набирала его имя в поисковой строке бесчисленное число раз. Но, слава богу, Мел всего лишь проверила список пропущенных звонков и, разумеется, не обнаружила звонков от Ремингтона.

Судя по статьям, которые я прочитала прошлой ночью, Ремингтон Тейт считался завсегдатаем светских вечеринок, секс-символом и в целом всеобщим идиолом. И в придачу отъявленным возмутителем спокойствия. Я подумала, что сейчас он, наверное, мучается от похмелья после вчерашней попойки, валяясь в постели в компании удовлетворенных обнаженных девиц, и даже думать обо мне забыл. «Брук? Это еще кто такая?»

Мелани забрала у меня свой телефон, прокашлялась и торжественно зачитала высказывания из Твиттера:

– Ну хорошо, тут есть несколько новых комментариев, которые ты обязательно должна услышать. «Просто невероятно! Вы видели, как Рип поцеловал зрительницу? Просто с ума сойти! Настоящая сенсация. Я слышала, там чуть не случилась потасовка, когда он рванул за ней и толкнул человека. А ведь драться за пределами ринга запрещено, и ему могут запретить участвовать в боях до конца сезона, а может, и совсем. Теперь понятно, за что его выкинули из большого спорта. Ну я лично не буду ходить на бои, если Рип не будет участвовать». И таких комментариев целое море! – пояснила с ехидной улыбкой Мел, опуская телефон. – Мне нравится его прозвище – Рип. Намек на то, что все его соперники имеют шанс упокоиться с миром. Все поняла? В любом случае, если он будет выступать, то только в эту субботу, потому что потом он отправится в другой город. Ну что, мы идем или не идем?

– Именно это он и хотел знать, когда звонил.

– Брук! Так звонил он тебе или не звонил?

– Как думаешь, Мел, сколько у него подписчиков в Твиттере? Миллион?

– Два миллиона триста тысяч.

– Вот тебе и ответ на твой вопрос. – Я чувствовала, что меня непонятно отчего охватывает гнев.

– Но я абсолютно уверена, что он запал на колючку Бруки

вчера вечером.

– Кто-нибудь уже помог ему снять наваждение, Мел. Так всегда бывает с подобными типами.

– И все же непременно надо пойти на матч в субботу, – безапелляционно заявила Мел с сердитой гримаской, которая смотрелась уморительно на ее хорошенькой мордашке; моя подруга не из тех, кто может на кого-то злиться. – И тебе нужно надеть что-то, от чего его глаза вылезут на лоб и он пожалеет, что не позвонил тебе. У вас мог бы получиться потрясающий секс на одну ночь.

– Мисс Думас?

Мы уже направлялись к моему дому, когда в свете утреннего солнца я заметила у подъезда невысокую женщину лет сорока с коротко подстриженными светлыми волосами. Она тепло и немного смущенно улыбалась, протягивая мне конверт, на котором было написано мое имя.

– Ремингтон Тейт просил меня лично вручить вам это приглашение.

Когда она произнесла его имя, мое сердце екнуло и заколотилось сильнее, чем во время пробежки. Я дрожащей рукой открыла конверт и вытащила большой сине-желтый кусок картона. Это было приглашение в боксерский клуб с билетами на субботний матч и разрешением проходить за кулисы. Билетов было целых четыре, и все на центральные места в первом ряду. У меня внутри все перевернулось, когда я увидела на пропуске свое имя, написанное мужским резким

почерком – видимо, рукой Рипа.

Признаюсь, я едва могла дышать.

– Ничего себе, – только и смогла произнести я, пораженная до глубины души. Маленькая искорка волнения быстро разрасталась в моей груди, и мне захотелось пробежать еще пару миль, чтобы сбросить его.

Улыбка женщины стала еще шире.

– Могу я передать ему, что вы придете?

– Да. – Слово слетело с моих губ, прежде чем я успела это осознать. Прежде чем успела вспомнить заголовки статей о нем, которые я вчера прочитала, где фигурировали такие слова, как «плохой парень», «драка в баре», «связь с проститутками»...

Но это ведь всего-навсего спортивный матч, не так ли?

Я же не даю согласие на что-либо еще.

Ведь правда?

Я стояла, недоуменно уставившись на билеты, и Мелани стояла рядом, глядя на меня с разинутым ртом, в то время как женщина открыла дверцу кадиллака «Эскалейд» и села на заднее сиденье. Автомобиль с рычанием сорвался с места. Мелани игриво шлепнула меня по плечу.

– Ах ты, маленькая шлюшка! Ты же хочешь его, признайся! А ведь это была моя фантазия, зараза ты такая!

Я рассмеялась, вручая ей три билета. Голова моя шла кругом – такое впечатление, что мы с Ремингтоном на самом деле заключили сегодня какой-то негласный контракт.

– Полагаю, нам все же следует туда пойти. Поручаю тебе собрать всю нашу команду, ладно?

Мелани обняла меня за плечи и шепнула в ухо, подталкивая к ступенькам крыльца:

– Скажи, разве тебя это не взволновало, ну хоть чуть-чуть?

– Меня это нисколько не взволновало, – машинально ответила я и, прежде чем войти в квартиру, добавила: – Просто чувствую себя большой шишкой.

Мелани захохотала и пыталась прорваться ко мне в квартиру, чтобы помочь мне выбрать наряд для субботнего похода на матч. Мне пришлось сказать ей, что, когда я хочу выглядеть как шлюха, то обязательно ей скажу. В конце концов Мелани отказалась от мысли порыться в моем шкафу, заявив, что в нем все равно не найдется ничего сексуального, поэтому она, пожалуй, отстанет от меня до конца дня. Но легкое возбуждение не оставляло меня. Я явственно ощущала его, когда принимала душ, одевалась и проверяла электронную почту на предмет новых сообщений об открывшихся вакансиях.

Я не могла объяснить, почему так нервничала при мысли о том, что увижусь с Ремингтоном снова.

Похоже, он мне все же нравится, и эта мысль казалась мне отвратительной.

Похоже, я испытываю к нему влечение и ненавижу себя за это.

Похоже, он действительно идеальный вариант для секса на одну ночь, и я поверить не могу, что мне в голову лезут такие мысли.

Как и у любой взрослой женщины, мое настроение колеблется в зависимости от фазы месячного цикла. Критические дни наступили ближе к субботе, и я сто раз пожалела, что согласилась пойти на матч. Оставалось только утешать себя тем, что вся наша банда пришла в восторг от предстоящего похода.

Продвинутая девушка-гот, любительница готической культуры Мелани позвала в клуб наших друзей – Пандору и Кайла. Пандора работала с Мелани в фирме по дизайну интерьеров. Это была весьма продвинутая девушка-гот, которую любой мужчина захотел бы пригласить украшать свою холостяцкую конуру. Кайл – мой старинный друг и сосед по дому, он учился на стоматолога. С Мел они тоже дружили еще со школы. Он всегда выполнял роль брата, которого у нас с подружкой никогда не было. Кайл – такой милый и застенчивый с другими девушками парень, что, по слухам, ему пришлось заплатить профессионалкам, чтобы лишиться девственности.

– Я так рада, что ты согласился отвезти нас туда, – сказала Мел, сидя рядом со мной на заднем сиденье машины.

– Подозреваю, что только для этого я вам и нужен, девочки, – ответил он со смехом, очевидно, весьма оживленный одной только мыслью о предстоящем зрелище.

Сегодня в бойцовском клубе собралось вдвое больше зрителей, чем в прошлый раз, когда мы были здесь, и нам пришлось ждать минут двадцать, чтобы войти в лифт, спускающийся в зал, где располагался ринг.

Мелани с друзьями собирались пробраться на наши места, а я достала пропуск за кулисы, висевший на шнурке у меня на шее, и показала ей:

– Пойду-ка я разложу свои визитные карточки где-нибудь, чтобы спортсмены могли их увидеть, – сообщила я ей.

Было бы глупо с моей стороны не воспользоваться такой возможностью. Ведь эти ребята – самые вероятные кандидаты на спортивные травмы, так как каждый из них становится во время боя смертельно опасной машиной для другого. Так что если когда-либо у меня и появится шанс заполучить хотя бы временную работу в качестве реабилитолога, рассуждала я, то это именно сейчас.

Мне пришлось ждать в очереди, чтобы получить доступ в зону, куда запрещено проходить зрителям, и я почувствовала, как воздух в зале наполняется запахом пива и пота. Я заметила Кайла, который помахал мне рукой с наших мест в самой середине первого ряда перед рингом, и поразилась, как близко от нас будет проходить бой. Кайл легко мог дотянуться до платформы, на которой возвышался ринг, стоило

ему сделать один небольшой шаг.

Конечно, можно было бы наблюдать матч и из дальнего конца зала, причем не платя ни гроша, за исключением разве что мизерной взятки вышибале на входе, но билеты на сидячие места стоили от пятидесяти долларов до нескольких тысяч, а те, которые подарил нам Ремингтон Тейт, и вовсе стоили по пять тысяч каждый. Учитывая, что я уже две недели сидела без работы после окончания интернатуры и жила сейчас на свои скудные сбережения от рекламных контрактов в былые времена, мне бы не удалось позволить себе такую роскошь. Мои друзья, тоже недавние выпускники, были в таком же положении. Они хватались практически за любую работу, которую только могли найти на этом гребаном рынке труда.

Пробившись сквозь толпу, я наконец смогла с довольной улыбкой продемонстрировать свой пропуск в запретную зону, и мне разрешили пройти в длинный коридор с несколькими комнатами с каждой стороны. Двери в них не были закрыты.

В каждой комнате стояли скамьи и ряды шкафов. Там я увидела спортсменов, общающихся со своими помощниками. В третьей комнате, в которую я заглянула, я обнаружила Ремингтона, и по телу у меня пробежала нервная дрожь.

Он сидел на длинной красной скамейке, слегка ссутулившись, в совершенно расслабленной позе, и смотрел, как мужчина с сияющей лысиной на голове бинтует ему руку.

Другая уже была полностью покрыта телесного цвета бинтом, за исключением костяшек пальцев. Лицо его, на котором застыло задумчивое выражение, показалось мне в тот момент совершенно мальчишеским. Интересно, сколько ему лет? Он поднял темноволосую голову, словно почувствовав мое присутствие, и сразу же заметил меня. В глазах его промелькнули какие-то странные, завораживающие искорки, отозвавшиеся в моем теле электрической молнией. Я мгновенно подавила эту реакцию, наблюдая, как тренер что-то говорит ему.

Но Ремингтон по-прежнему не отрывал от меня глаз. Он еще держал руку на весу, но казалось, не замечал, как тренер продолжает ее бинтовать, одновременно давая ему инструкции.

– Ух ты, какая...

Я повернулась на прозвучавший справа от меня голос и почувствовала волну ужаса, поднявшуюся откуда-то из солнечного сплетения. Внушительных размеров боец стоял в полуметре, уставившись на меня откровенно вождедеющим взглядом, словно я была соблазнительным десертом, в который он готов запустить ложку.

Я увидела, как Ремингтон выхватил у тренера бинт и отшвырнул его в сторону, а потом поднялся и медленно направился в мою сторону. Теперь он стоял за моей спиной, и я каждой порой своего тела чувствовала его близость.

Он обратился к моему неожиданному поклоннику тихим

голосом, от которого меня охватила дрожь.

– Отойди от нее.

Навязчивый парень, в котором я теперь узнала того самого Кувалду, больше не смотрел на меня. Он уставился куда-то поверх моей головы и немного вправо. Я поняла, что рядом с Ремингтоном он кажется не таким уж и крупным.

– Она твоя, что ли? – спросил Кувалда, сощуриив маленькие глазки.

Мои колени подкосились, когда я услышала бархатный и в то же время холодный как лед голос:

– Ну уж точно не твоя.

Кувалда, что-то проворчав, ушел, а Ремингтон еще долго стоял там, его мускулистое тело возвышалось надо мной, почти прикасаясь к моему, его тепло обволакивало меня. Я опустила голову, едва слышно прошептала: «Благодарю вас» и поспешно ушла. Мне хотелось умереть от стыда, потому что, как мне показалось, он наклонился ко мне, чтобы вдохнуть мой запах.

Глава 2

Неожиданный поворот

Его появления на ринге ждали вот-вот, его имя уже готово было вырваться из микрофона, когда толпа начала реально сходить с ума.

– Еще раз, леди и джентльмены, перед вами Риптайд!

Я все еще не могла оправиться от того, что только что видела его так близко, и моя кипящая кровь неслась по жилам, разнося пузырящиеся, горячие крошечные иголки по всему телу. Когда он рысцой пробежал по широкому коридору между трибунами в своем блестящем красном халате с капюшоном, мой пульс пустился вскачь, живот сжался, и я испытала отчаянное желание сбежать домой.

Этот парень – просто нечто. В нем всего было слишком – слишком много мужественности. Слишком много грубой животной силы. А все вместе – это просто чистый секс на палочке, и все женщины вокруг меня во всю силу своих легких кричали, как сильно хотят его полизать.

Ремингтон поднялся на ринг и направился в свой угол. Он сдернул халат, обнажая упругие рельефные мышцы, и протянул его молодому блондину, похоже, помощнику лысого тренера.

– А теперь я сделаю тебя, Кувалда!

На ринге появился Кувалда, и Ремингтон лениво улыбнулся, словно отвечая своим мыслям. Его взгляд заскользил по головам зрителей прямо в мою сторону – и я отчетливо поняла, что он точно знает, где именно я сижу в этот вечер. Все еще улыбаясь с видом «да, вот он я, весь такой крутой», он указал пальцем на своего противника, а затем в мою сторону, как бы говоря: «Это все для тебя».

У меня замерло сердце.

– Вот дерьмо! Он меня совершенно убивает. Какого черта он это делает? Он такой гребаный альфа, что я просто не могу!

– Мелани, возьми себя в руки! – прошипела я ей на ухо, в изнеможении откидываясь на спинку стула, потому что он убивал и меня тоже. Я не знаю, чего он хочет от меня, но я совершенно запуталась, потому что никак не ожидала, что тоже захочу чего-то настолько сексуального и очень личного именно от него.

Меня пронзило волнующее воспоминание о том, как всего несколько минут назад я стояла рядом с ним, но звук гонга вырвал меня из этого состояния. Бойцы сблизились, и Реми сделал финт в сторону, в то время как Кувалда тупо замахнулся, купившись на обманное движение. Как только бок противника оказался открытым, Ремингтон подскочил к нему и ударил слева по ребрам.

Бойцы отпрянули друг от друга, и Ремингтон, действуя вызывающе дерзко, вновь совершил обманный маневр, вы-

вода Кувалду из равновесия. Реми повернулся ко мне, вновь показал на противника, затем снова на меня, прежде чем протаранить Кувалду с такой силой, что канаты позади парня, спружинив, отбросили его вперед. Он упал на колени и тряхнул головой, пытаясь снова встать. Мои мышцы в промежности сжимались каждый раз, когда Реми бил своего противника, и каждый раз, когда тот наносил ответный удар, в ответ сжималось и мое бедное сердце.

В течение всего этого вечера Реми таким же образом разделался еще с несколькими бойцами. И каждый раз, торжествуя победу, он смотрел на меня со своей самодовольной улыбочкой, словно хотел убедиться, что я знаю, кто здесь самый крутой. Все мое тело дрожало, когда я смотрела, как он двигается, как играют его мышцы, и не могла подавить свои фантазии. Я представляла себе, как его бедра скользят по моим бедрам, как двигается его тело внутри меня, как эти большие сильные руки касаются меня, как плоть прижимается к плоти. Во время последних нескольких раундов на его лице появилось напряженное выражение, грудь тяжело вздымалась от напряжения и блестела от пота.

Внезапно я поняла, что никогда в жизни ничего так сильно не хотела.

Я хотела потерять голову. Спрыгнуть с тарзанки. Вновь мчаться со всей скоростью, пусть даже только в буквальном смысле. Я захотела свиданий, которых у меня никогда не было, потому что я тренировалась, пытаясь достичь того, че-

го так и не смогла достигнуть. Я избегала опасных аттракционов из опасения повредить ногу, которую в конце концов все равно не уберегла. Никогда не пила спиртного. Ведь мне нужно было постоянно оставаться в форме, чтобы выйти на трек. Ремингтон Тейт сейчас воплощал в себе все мои соблазны, все то, что я никогда не делала, и да, у меня же есть презерватив, который я зачем-то сунула в сумку и только теперь поняла, зачем это сделала. Этот парень – настоящий боец. Я хотела прикоснуться к его мускулистой груди, поцеловать эти губы. Я хотела, чтобы эти руки обнимали меня. Когда я почувствую, что они сжимают меня, я, наверное, кончу в ту же секунду, как он окажется во мне.

Это была самая невероятная прелюдия, которую я когда-либо испытывала в своей жизни, и внезапно мне захотелось, чтобы она стала чем-то бо́льшим. И хотела, чтобы это случилось сегодня же вечером.

Когда он победил в последний, десятый раз, я снова почувствовала на себе его взгляд, но могла только смотреть на него в ответ, желая, чтобы он понял, насколько сильно я хочу его. Он улыбался мне, весь потный и дерзкий, с блестящими голубыми глазами и ямочками на щеках. Ухватившись за верхний канат ринга, он легко перемахнул через него и мягко приземлился в проходе прямо передо мной.

Мелани буквально замерла, когда его великолепно вылепленное, загорелое, блестящее от пота тело оказалось совсем близко. И не оставалось никаких сомнений, к кому он на-

правлялся.

Задержав дыхание до той секунды, пока мои легкие чуть не лопнули, я стояла на дрожащих, подкашивающихся ногах, потому что действительно не знала, как вести себя в такой ситуации. Толпа ревела, зрительницы вопили:

– Поцелуй его от всего сердца, женщина!

– Ты его не заслуживаешь, сука!

– Убирайся, девчонка!

Сверкнув улыбкой, отчего на щеках появились ямочки, он подошел, и я продолжала ждать, предвкушая, что вот-вот почувствую его руки на своем теле, когда он наклонился прямо ко мне. Я почти ощущала эти руки, как в прошлый раз, когда он касался моей головы, – большие, незнакомые и такие волшебные. Я почувствовала, что умираю. Умираю от желания, готовая отбросить все запреты... стораю от нетерпения.

Но вместо этого он наклонился ко мне, чтобы прошептать мне в висок, и единственное, что меня коснулось, – это его дыхание, обдающее мою кожу жаром.

– Я пришло за тобой кого-нибудь, – раздался в моем ухе его хрипловатый голос.

Он улыбнулся и отступил назад, а затем под неистовые крики толпы вновь поднялся на ринг, оставив меня растерянно моргать ему вслед. Женщина, сидевшая рядом со мной, целую минуту тряслась и часто, тяжело дышала, прежде чем смогла простонать:

– О боже, о боже, о боже, он коснулся меня локтем, он

меня коснулся!

– ЭТО НАШ РИП, РЕБЯТА! – закричал комментатор.

У меня подогнулись колени, и я рухнула на свое место, не чувствуя тела, невесомая, как взбитые сливки, сжимая руки, чтобы подавить в них дрожь. Казалось, мой мозг расплавился, и я ни о чем не могла думать, кроме того момента, когда он спустился с ринга и прошептал мне на ухо своим невероятно сексуальным голосом, что собирается кого-то послать за мной. От одного воспоминания об этом у меня все холодело внутри. Мелани безмолвно разинула рот, а Пандора и Кайл уставились на меня, как на святую, которая только что на их глазах укротила дикого вепря.

– Что, черт возьми, он сказал? – пробормотал Кайл.

– Иисус, Дева Мария и Иосиф! – визжала Мелани, обнимая меня. – Брук, этот парень от тебя без ума!

Женщина рядом со мной коснулась моего плеча дрожащей рукой.

– Вы с ним знакомы?

Я покачала головой, не зная, что ответить. Я знала лишь то, что со вчерашнего дня и до этой минуты не было ни единого мгновения, когда бы я не думала о нем. Я только знала, что ненавижу и люблю всю бурю чувств, которую он заставляет меня испытывать, и то, как он смотрит на меня, наполняя меня желанием.

– Мисс Думас, – услышала я и, резко повернувшись на голос, обнаружила двух мужчин в черном, возникших меж-

ду мной и рингом. Оба высокие и стройные, один блондин, другой с вьющимися каштановыми волосами.

– Я – Пит, помощник мистера Тейта, – произнес Мистер Каштановые Кудри. – А это Райли, второй помощник тренера. Пожалуйста, следуйте за нами, мистер Тейт хочет поговорить с вами в своем гостиничном номере.

Сначала я даже не могла вспомнить, кто такой мистер Тейт. Но когда до меня дошло, догадка, словно раскаленная докрасна молния, пронзила меня насквозь. Он хочет встретиться с тобой в гостиничном номере. А чего хочешь ты? Хочешь его видеть? Хочешь того, что там произойдет? Часть меня уже мысленно проделывала с ним все это десятью разными способами всю ночь до воскресенья, в то время как другая часть не желала даже сдвинуться с этого дурацкого кресла.

– Ваши друзья могут пойти с нами, – непринужденно добавил блондин и сделал знак ошеломленно смотрящей на нас тройце.

Мне вдруг стало легче. Кажется. Черт, я даже не знала, что чувствую сейчас.

– Да ладно, Брук, это же Ремингтон Тейт!

Мелани потянула меня за руку и принялась с жаром уговаривать последовать за мужчинами, а в моей голове принялись бешено крутиться самые невероятные мысли, потому что я совершенно не знала, что стану делать, когда увижу его. Мое сердце отчаянно колотилось от хлынувшего в кровь

адреналина, пока мы с двумя сопровождающими выходили из зала, шли в отель на другой стороне улицы, а потом поднимались на лифте в пентхаус.

Моя нервозность достигла верхней точки, когда лифт остановился на верхнем этаже. Я чувствовала себя точно так же, как перед началом соревнований. При одной только мысли о том, что тело этого мужчины может оказаться внутри меня, у меня захватило дух, как во время катания на американских горках, я вдруг ощутила, что приближаюсь к вершине, словно это уже стало реальностью. Мой желудок сжался от мысли о том, каким волнующим может стать спуск вниз. Секс на одну ночь, надо же, до чего я докатилась!

– Пожалуйста, скажи мне, что не собираешься связываться с этим парнем, – сказал мне Кайл, и его лицо сморщилось от беспокойства, когда двери перед нами открылись. – Это непохоже на тебя, Брук. Ты слишком ответственная для этого.

Я ответственная?

Так ли это?

Однако сегодня вечером я чувствовала себя совершенно безумной. Сошедшей с ума от вожделения, адреналина и двух сексуальных ямочек на щеках этого неотразимого мужчины.

– Я всего лишь поговорю с ним, – успокоила я своего друга, не чувствуя уверенности в том, что собираюсь делать.

Мы прошли вслед за сопровождающими мужчинами в

холл огромного номера.

– Ваши друзья могут подождать здесь, – сказал Райли, указывая на гигантских размеров барную стойку из черного гранита. – Пожалуйста, налейте себе что-нибудь выпить.

Мои друзья устремились к сверкающим бутылкам с дорогим алкоголем, исторгнувшим из Мелани откровенно восторженный визг, а Пит жестом пригласил меня следовать за ним. Мы пересекли огромную комнату, вошли в спальню и обнаружили там самого Ремингтона, сидящего на низенькой скамейке в ногах кровати. У него были мокрые волосы, и он прижимал к подбородку пакетик с охлаждающим гелем. Он выглядел словно первобытный мужчина, занимающийся своей раной после того, как победил врагов в жестоком бою, и это показалось мне... показалось отчего-то невероятно сексуальным.

Позади него на кровати стояли на коленях две азиатские женщины и массировали ему плечи – каждая со своей стороны. Вокруг его бедер было обернуто белое полотенце, и струйки воды все еще поблескивали по его коже. Три пустые бутылочки из-под энергетического напитка *Gatorade* валялись на полу, в руке он сжимал еще одну. Увидев меня, он шлепнул упаковку с гелем на стол и проглотил остатки напитка. Голубая, под цвет его глаз, жидкость влилась в него одним глотком, и он отбросил бутылку в сторону.

Я зачарованно смотрела, как его рельефные мышцы сжимаются и расслабляются под женскими пальцами. Я хоро-

шо знаю, что массаж после интенсивных занятий спортом – именно то, что нужно, но вот чего я не понимала, так это чувств, которые я испытывала, наблюдая за ним.

Я прекрасно знаю человеческое тело. Более того, я боготворю его. Оно было моей религией в течение шести лет, с тех самых пор, когда, поняв, что больше никогда не смогу бегать, я решила сменить занятие. Теперь, глядя на Реми, я ощущала, как мои пальцы зудят от желания исследовать это тело, сжимать и разминать его, глубоко проникая в каждую мышцу.

– Вам понравился бой?

Он смотрел на меня с легкой дерзкой улыбкой, его глаза блестели, словно он точно знал, какое впечатление на меня производит все, что я видела сейчас.

Для меня было и наслаждением, и мукой смотреть, как он сражается. Но я не могла просто выразить ему свое восхищение, после того как слышала, как пятьсот человек кричат, какой он классный, поэтому я лишь пожала плечами.

– Вы сделали его интересным.

– И это все, что вы можете сказать?

– Да.

Казалось, он был разочарован и в раздражении резко передернул плечами, чтобы остановить массажисток. Он поднялся со скамейки, расправил могучие плечи, повернул шею в одну, потом в другую сторону.

– Оставьте нас, – приказал он.

Обе женщины улыбнулись мне и поспешили к выходу, и в тот момент, когда я осталась с ним наедине, у меня перехватило дыхание.

До меня внезапно дошла вся чудовищность того, что я нахожусь здесь, в спальне гостиничного номера, и меня начала бить дрожь. Его загорелые руки с длинными пальцами были расслабленно опущены по бокам, мой взгляд невольно задержался на них, и меня захлестнула волна желания, когда я представила, как они скользят по моей коже.

Мое тело дрожало, в висках пульсировала кровь, я с усилием отвела глаза от рук Ремингтона, подняла взгляд и только тут заметила, что он неотрывно смотрит прямо на меня. Он щелкнул костяшками пальцев на одной руке, затем на другой. При этом он выглядел взбудораженным, как будто не потратил только что уйму энергии, чтобы сбить с ног полдюжины человек. У меня сложилось впечатление, что он легко мог бы продержаться еще пару раундов.

– Этот тип, который с тобой пришел, – произнес он, сжимая и разжимая кулаки, чтобы разогнуть кровь. Глаза его при этом не отрывались от моего лица. – Он твой парень?

Честно говоря, я и сама не знаю, чего ожидала, придя сюда, но не исключала возможности, что окажусь в его койке. Я совершенно растерялась и изрядно занервничала. Чего он хочет от меня? А чего от него хочу я?

– Нет, он просто мой друг, – ответила я.

Он опустил взгляд на мой безымянный палец и снова по-

смотрел в глаза.

– И мужа нет?

Странная легкое покалывание пробежало по моим венам, и у меня закружилась голова, как мне хотелось думать, от запаха масла, которым его натерли массажистки.

– Нет у меня никакого мужа.

Он довольно долго пристально рассматривал меня, однако было непохоже, что его переполняет желание, которое, к своему стыду, я сама сейчас испытывала. Он всего лишь оценивал меня с загадочной полуулыбкой и, казалось, искренне интересовался моими ответами.

– Вы проходили стажировку в частной спортивной школе, где занимались реабилитацией юных спортсменов?

– Вы что, навели обо мне справки?

– Совершенно верно, – услышала я знакомый голос одного из мужчин, которые привели меня сюда. Это был Пит, он ненадолго выходил, а сейчас вернулся в комнату с папкой из плотной желтоватой бумаги и передал ее Райли.

– Мисс Думас. – Пит, темный шатен с вьющимися волосами и карими глазами, снова заговорил со мной. – Я уверен, что вы задаетесь вопросом, почему вы здесь, так что давайте перейдем прямо к делу. Мы уезжаем из города через два дня, и боюсь, что у нас нет времени действовать иначе. Мистер Тейт хочет вас нанять на работу.

Я смотрела на него с минуту, ошеломленная и, честно говоря, чертовски смущенная.

– А кем именно, по-вашему, я работаю? – хмуро спросила я. – Я вовсе не из эскорт-агентства.

Пит и Райли разразились хохотом, но Ремингтон выразительно промолчал, медленно опускаясь обратно на скамейку, что меня встревожило еще больше.

– Вы нас раскусили, мисс Думас. Да, я должен признать, что, когда мы путешествуем, нам удобнее держать при себе одну или нескольких... особых подруг для мистера Тейта, чтобы, скажем так, удовлетворять его потребности до или после драки, – со смехом объяснил Пит.

Моя левая бровь поползла вверх. Вообще-то я прекрасно знала, как это происходит у спортсменов.

Я много раз участвовала в соревнованиях и хорошо знала, что до или после них секс – это совершенно естественный и даже вполне здоровый способ снять стресс и помочь делу. Я потеряла девственность на тех же предолимпийских соревнованиях, где разбила к чертовой матери колено, и потеряла из-за спринтера, который почти так же нервничал из-за предстоящих состязаний, как и я. Но то, как эти ребята упомянули о «потребностях» мистера Тейта, вроде бы между прочим, вдруг показалось мне настолько личным, что мои щеки загорелись от смущения.

– Как вы можете догадаться, мисс Думас, у такого человека, как Ремингтон, весьма особенные требования, – продолжил Райли, блондин, похожий на серфера. – Но на сей раз он заявил, что больше не нуждается в услугах тех подруг... ко-

торых мы наняли для него во время этой поездки. Он хочет сосредоточиться на самом важном и именно поэтому желает, чтобы вы на него работали.

У меня все сжималось внутри, когда я посмотрела на Райли, затем на Пита, а потом перевела взгляд на Ремингтона, чей подбородок показался мне в этот момент еще более мужественным, чем я себе представляла. Как будто он был выточен из самого твердого, великолепного, самого бесценного куска гранита, который когда-либо существовал в мире.

Я даже приблизительно не представляла, о чем он сейчас думает, но, хотя он больше не улыбался, в его глазах по-прежнему горел озорной огонек.

Его лицо слегка припухло с левой стороны, и мой инстинкт, побуждающий немедленно броситься на помощь к пострадавшему, требовал взять упаковку геля и снова приложить к его подбородку. Черт возьми, я уже мысленно успела смазать лечебной мазью красную ссадину на его нижней губе. Я так сильно увлеклась своими воображаемыми действиями, что неожиданно поняла – я не могу доверять себе и своему здравому смыслу, когда передо мной настолько привлекательный мужчина. Меня все еще сильно заводила даже сама мысль о том, что я нахожусь с ним в одной комнате.

Между тем Пит пролистал бумаги в папке.

– Вы проходили стажировку в спортивном реабилитационном центре Военной академии Сиэтла, – сказал он, закрыв папку, – и мы видим, что вы закончили ее две недели назад.

Мы готовы нанять вас в качестве профессионального реабилитолога на весь срок нашего турне, за который нам осталось объехать восемь городов. Помимо того, мистер Тэйт продолжит готовиться к будущим соревнованиям. Мы очень щедро оплатим ваш труд. К тому же это весьма престижно – следить за здоровьем и спортивной формой такого успешного спортсмена, и подобный опыт работы, несомненно, будет выглядеть весьма внушительно в любом резюме. Возможно, это даже позволит вам открыть собственную практику, если в будущем вы захотите уйти от нас.

Я поймала себя на том, что изумленно хлопаю глазами.

Я действительно искала работу и очень беспокоилась, ведь на все мои объявления и запросы до сих пор не поступало никаких звонков. В академии, где я стажировалась, мне предложили вернуться на работу в августе, когда возобновятся занятия, так что у меня оставалась хотя бы такая возможность. Однако до нее еще несколько месяцев, и меня грызла тревога из-за того, что диплом-то у меня есть, но я никак не могу приложить его к делу.

Внезапно до меня дошло, что все смотрят на меня, особенно остро я ощутила взгляд Ремингтона.

Он глядел на меня не отрываясь.

При мысли о том, чтобы работать на него, когда в своих мечтах я уже занималась с ним сексом, меня слегка затошнило.

– Мне нужно подумать. В действительности я не ищу ра-

боту так далеко от Сиэтла в долгосрочной перспективе. – Я нерешительно посмотрела на Ремингтона, потом перевела взгляд на его помощников. – А теперь, если это все, что вы хотели сказать, мне лучше уйти. Я оставлю свою визитку здесь, на вашем баре. – Я резко развернулась, намереваясь как можно быстрее оказаться подальше отсюда, но повелительный голос заставил меня замереть на месте.

– Ответ я хочу услышать прямо сейчас, – резко бросил Ремингтон. – Итак?

Когда я снова повернулась к нему, он, наклонив голову, выдержал мой вызывающий взгляд, и блеск в его глазах больше не казался мне озорным.

– Я предложил вам работу и хочу получить ответ.

В комнате повисла напряженная тишина. Мы пристально смотрели друг на друга – этот голубоглазый дьявол и я. Такой странный безмолвный обмен мыслями. Я не могла понять, что это означает для Ремингтона – просто желание настоять на своем или что-то большее? Я почувствовала, что в самой моей глубине вспыхнуло живое, трепещущее чувство; оно появилось, когда я смотрела в глаза Ремингтона и видела, как он смотрит на меня своим проникающим в самую душу взглядом.

Что ж, тогда ладно. К черту неуместное вожеление, это сейчас лишнее. К тому же работа нужна мне гораздо больше.

– Я буду работать у вас в течение трех месяцев, которые вам осталось провести в турне, при условии, что расходы

на проживание в отдельном номере, питание и транспорт вы возьмете на себя. Кроме того, вы должны гарантированно дать мне рекомендации, когда я решу перейти на другую работу, и позвольте мне упоминать тот факт, что я занималась вашей реабилитацией, в общении с моими будущими клиентами.

Он молчал, не отрывая от меня взгляда, и я, не дожидаясь ответа, резко повернулась к двери. Я была уверена, что он непременно захочет обдумать мои требования, но его голос вновь остановил меня.

– Я согласен.

Он многозначительно кивнул, а я не могла поверить своим ушам. Он что, и правда нанял меня?

Я буду иметь с ним дело как с моим первым работодателем?

Медленно, сжимая одной рукой полотенце на поясе, чтобы оно не упало, Ремингтон поднялся и кивнул помощникам.

– Составьте договор, но я должен быть уверен, что она не уйдет, пока не закончится турне.

Я старалась изо всех сил не обращать внимания на то, как бугрятся его мышцы, когда он, понадежнее запахнув полотенце, направился ко мне. И снова в его движениях мне почудилась хищная, кошачья грация, а самоуверенная улыбка только подтверждала мое впечатление. Эта улыбка откровенно сказала мне, что он прекрасно понимает, какое впе-

чатление на меня производит. И да, черт возьми, он и вправду привел меня в полное замешательство. Я наблюдала за шестью футами совершенных мускулов, перекатывающих под блестящей от масла загорелой кожей, и восемью кубиками пресса, что физически почти невероятно, но как можно отрицать то, что видишь своими глазами? О мой бог!

Мое сердце бешено забилося, когда он взял меня за руку – моя ладонь буквально утонула в его огромной лапице – и склонил голову, чтобы посмотреть прямо мне в глаза.

– Итак, договорились, Брук, – прошептал он, сжимая мою ладонь, и от его мощного горячего прикосновения все мое тело будто пронзило электрическим током.

Похоже, я просто лишилась рассудка.

Он отступил на шаг назад, и его улыбка в тысячу мегаватт добила меня окончательно.

Ремингтон повернулся к своим помощникам и приказал:

– Чтобы к завтрашнему дню все оформили официально, а сейчас доставьте ее домой в целости и сохранности.

Мелани вылетела из-за барной стойке, едва заметив меня, с широко раскрытыми от любопытства и изумления глазами. По-моему, я только что застала ее за запихиванием миниатюрной бутылочки рома в свой клатч.

– Ну что? Это был быстрый секс? А я-то думала, что у

этого человека больше выносливости, – выпалила она с явной досадой.

– Ты что, подруга! Да он ведь только что вырубил около десятка чуваков не мельче чертова медведя гризли. Конечно, он устал, – высказался Кайл, единственный из троих, у кого в руке не было выпивки.

– Ребята, успокойтесь. Ничего не было. – Я покачала головой и едва не расхохоталась над несчастным выражением, появившимся на лица Мел. – Зато на это лето у меня появилась работа.

– Что-о-о?

Я не успела и двух слов произнести, собираясь рассказать подробности нашего разговора своим друзьям, как оба помощника Ремингтона подошли к нам и встали справа и слева от меня.

– Вы готовы, мисс Думас?

– Зовите меня Брук, пожалуйста, прошу вас. – Я всегда чувствую себя нелепо, когда меня называют «мисс Думас». Позже мои друзья, вероятно, не преминут от души поиздеваться надо мной по этому поводу. – Правда, у меня все в порядке. Нет совершенно никакой необходимости провожать меня.

Райли вскинул свою белокурую голову и криво улыбнулся.

– Поверьте, ни Пит, ни я не будем сегодня спать спокойно, если не удостоверимся, что вы находитесь дома в безопасно-

сти.

– Приветик! Не думаю, что нас должным образом представили друг другу, – проговорила Мел своим особым томным голосом, стрельнув глазами сначала в сторону Райли, а затем продолжила очаровывать Пита. – Так кто вы такие?

Мысленно застонав, я быстро представила их друг другу, затем схватила девчонок за руки и потащила к лифту, потом к машине Кайла, и все это время мое сердце отчаянно билось о ребра грудной клетки.

Всю дорогу мои друзья фонтанировали предположениями по поводу этого визита, за исключением Кайла, который молча хмурился, сидя за рулем.

– Хочешь сказать, что это какая-то особо извращенная версия собеседования? В гребаном гостиничном номере?

– Угадала. – Я чувствовала себя уязвленной, потому что в конце концов все же убедила себя, что этот парень хочет переспать со мной. И вместо этого он предлагает мне работу? Какой облом! Хотя неплохо, конечно, но уж точно совершенно неожиданно.

Похоже, вся моя чуйка куда-то делась, и совершенно очевидно, что в этом виноват Ремингтон.

– Я чувствую себя такой важной персоной, когда вижу, как они нас сопровождают, – сообщила нам Мел через несколько минут и, быстро схватив свой смартфон, сделала несколько снимков.

– Что ты делаешь? – Я задала вопрос, хотя не была увере-

на, что хочу это знать – мои мысли витали далеко отсюда.

– Я опубликую эти фото в Твиттере.

– Напомни мне никогда больше не брать тебя с собой, – пробормотала я, продолжая оставаться, что называется, не в своей тарелке и ненавидя себя за это. Голубые глаза. Ямочки на щеках. Плечи в ярд шириной. Гладкая бронзовая кожа. Но никакого секса... определенно никакого секса с ним сейчас.

– Как думаешь, можно иметь дело с этими его парнями? – с искренним интересом спросила Мел.

– Ну не знаю. Райли, блондин, который тебе приглянулся, – это второй тренер, а Пит – личный помощник Ремингтона, я думаю.

– На самом деле мне оба парня нравятся. Пит – милашка, этакий пай-мальчик, вот только ему нужно больше мяса на костях нарастить. А Райли выглядит очень легкомысленным и беззаботным. И они оба определенно очень приятные и, несомненно, горячие. Как ты думаешь, сколько им лет? Тридцать с небольшим?

Я пожала плечами.

– Ремингтону двадцать шесть, – задумчиво продолжала она. – Думаю, они немного старше. Реми определенно моложе. Как, по-твоему, они могли познакомиться?

– Это ты у нас любитель жареных фактов, но чего ты от меня ждешь? Я не провожу все дни в интернете, разыскивая сведения о всех подряд в *Google*.

Только об одном-единственном человеке. Черт!

– Брук, расскажи нам о своей новой работе, – вмешался в наш треп Кайл. – Ты же не собираешься всерьез уехать в турне с этим парнем? Это с его-то репутацией?

Я немного помолчала, чтобы сообразить, как ответить, потому что все еще чувствовала себя ошарашенной тем, что у меня появилась работа, пускай и временная.

Когда я была моложе, мне всегда говорили, что я рождена, чтобы бегать, и после того как все рухнуло, много-много дней – даже не дней, месяцев – я ощущала себя никем. Спортивная реабилитация спасла меня, исцелив не только тело, но и душу, хотя тогда я и не подозревала, что нуждаюсь в таком исцелении. И теперь, чем больше я думала обо всем этом, тем больше мне хотелось помочь такому заточенному на победу спортсмену, как Ремингтон, чье тело, ежедневно подвергающееся жестким побоям, наверняка постоянно нуждалось во внимательном и серьезном уходе.

– Собираюсь, Кайл. На самом деле, если все пойдет хорошо и условия их контракта не будут слишком уж невероятными, я уеду с ними в воскресенье. И обещаю вам, что смогу позаботиться о себе, спросите моего учителя по самообороне. Я уже несколько раз надирала ему задницу. Я собираюсь путешествовать, уверена: это будет весело, а кроме того, возможно, у меня появится шанс открыть собственную практику, если я получу у них хорошие рекомендации. И если это произойдет, мне даже не придется больше бегать по

собеседованиям, пытаюсь наняться на работу.

– Да этот парень может голыми руками пришибить слона, Брук. Разве ты его не видела? Пандора-то уж точно его хорошо рассмотрела.

– В точку! Там просто не на что было смотреть, кроме него. И этот парень вполне способен справиться с целым стадом слонов! – отозвалась Пандора с переднего сиденья. Все это время она была занята тем, что посасывала свою электронную сигарету и выпускала пар в воздух – на этой неделе она в очередной раз «бросила» курить настоящие сигареты.

– Интересно, что эти парни предпримут, если мы вдруг остановимся у «Макдоналдса», сделаем большой заказ и скажем, чтобы они заплатили за все? – вдруг изрекла Мелани.

– Мелани, – предостерегающе зашипела я. – Это которая по счету? – Я заметила, что она держит маленькую бутылочку водки, и сразу поняла, что это та самая, которую она стянула из бара у Ремингтона. Я отняла у нее бутылку, завинтила крышку и запихнула ее в сумку. – Я собираюсь работать с этими ребятами еще три месяца, так что веди себя прилично, не позорь меня.

– Ну давай проверим, что они станут делать, подруга, ну же, давай, – заканючила Пандора. – Ну пожалуйста.

Рассмеявшись, Кайл свернул направо, подъехал к окошку и начал заказывать все подряд. Я схватила свою сумочку с единственным презервативом и кредитной карточкой.

– Ты придурок, – сказала я, швыряя в него презерватив. –

Вы, ребята, просто как дети. Учтите, вам придется съесть все, что ты назаказывал.

Когда Кайл остановился у следующего окошка «Макдоналдса», я уже всерьез закипала от злости. Велев им подождать, я вышла из машины и направилась к остановившемуся за нашими спинами «Кадиллаку». Протянула через водительское окно два «Хэппи милза» и два яблочных пирога.

– Вот, возьмите, пожалуйста. И извините нас. Я же предупредила, что нет необходимости ехать за мной. Мои спутники иногда ведут себя как дети. Но тем не менее я доберусь домой в целости и сохранности, так что, пожалуйста, просто возвращайтесь в отель.

– Мы не можем, – сказал Пит из-за руля, пока Райли копался в картошке фри.

– Это самая лучшая картошка, которую я ел, черт побери, – пробормотал он.

– Да, спасибо, мисс Думас, – добавил Пит, с удивлением взглянув на меня, и выражение его лица при этом стало по-настоящему приятным.

– Брук. Пожалуйста, называйте меня Брук. – Оглянувшись на своих друзей, сидевших в машине с горящими от любопытства глазами, я вздохнула. – Выходит, вы всегда в точности следуете всем указаниям своего босса?

– Именно. Точь-в-точь. – Пит вылез из машины, подошел к «Альтиме» Кайла и открыл передо мной заднюю дверцу. В салоне машины воцарилась тишина, которая не нарушалась

столько пьяна, чтобы я могла поговорить с ней по душам. Я понятия не имела, во что вляпалась, но чувствовала сильное волнение. Наверняка я знала только то, что ни за что не отступлюсь от предложенного соглашения. Мои родители придут в восторг, увидев, что я собираюсь придать своей жизни новый импульс в совершенно неожиданном направлении, и я заранее предвкушала, как в ответ на их приветствие и уже надоевший вопрос: «Есть ли предложения по поводу работы?» – я наконец-то отвечу: «Да».

Ну хорошо, пусть всего лишь на три месяца, но это действительно может отлично помочь моей карьере. Кроме того, приятно чувствовать себя востребованной в профессиональном смысле после того, как я так долго и старательно осваивала новую профессию.

– Обязательно, Мел. Каждый день, – сказала я ей, слушая, как она сосредоточенно посасывает таблетку.

– Когда он поцелует тебя, ты непременно должна сразу же написать мне об этом.

– Мел, он нанял меня как специалиста. Никаких поцелуев не будет, у нас чисто профессиональные отношения.

– К черту профессиональные отношения! – возмутилась она.

– Оставайся профессионалом, Брук, – предостерегающе возразил Кайл. – В противном случае мне придется вмешаться и провести беседу с твоим работодателем.

– Я рада, что ты намерен лишь «провести беседу», Кайл,

потому что это единственное, что может сойти с рук такому человеку, как ты, когда он сталкивается лицом к лицу с таким мужчиной, как Ремингтон Тейт, – сказала Пандора и расхохоталась.

Я тоже улыбнулась, потому что представила, как забавно выглядел бы Кайл, стоящий перед Ремингтоном и пытающийся ему что-то внушить. В то же мгновение образ бойца вспыхнул у меня в голове – именно такой, каким я только что его видела: бесцеремонно смотрящий на меня и соблазнительный, как сам секс, и мне стало любопытно, что я почувствую, когда положу руки на это невероятное тело.

Моя работа очень тесно связана с телесными контактами. Без них никому совершенно невозможно помочь. Я много занималась реабилитацией своих подопечных в училище, но никогда еще не прикасалась к мужчине, которого действительно желала так сильно, как Реми. Всякий раз после тренировки или боя ему будут необходимы растяжка и массаж, а это уже прямо по моей части. Теперь моя единственная задача будет заключаться в том, чтобы Ремингтон Тейт продолжал сражаться как чемпион. Внезапно я поняла, что просто жажду снова оказаться в команде, почувствовать свою принадлежность к спорту, пусть даже и не в качестве спортсмена.

Глава 3

Путешествие в Атланту

Частный самолет казался огромным. Пит жестом пригласил меня подняться на борт, уступая мне дорогу. Он заехал за мной домой и выглядел очень круто в костюме как у героев фильма «Люди в черном». Я поднялась по трапу и увидела, что внутри так же просторно, как в большом авиалайнере. Однако ни в одном из самолетов коммерческих авиалиний я не видела подобной роскоши, как здесь. Кресла в салоне отделаны бархатом и кожей, всюду красное дерево, позолоченные металлические детали и ультрасовременные экраны. Эта огромная мужская игрушка поражала своей экстравагантностью.

Кресла расставлены друг против друга в отдельных отсеках, напоминающих маленькие гостиные. В первом отсеке я увидела четыре больших кресла с бархатной обивкой цвета слоновой кости, причем размерами они превышали даже те, которые обычно располагаются в салонах первого класса. В одном из них сидел Райли с улыбкой до ушей, поднявшийся, чтобы поприветствовать меня, а также другие члены команды Ремингтона – его личный тренер Лупе, сорокалетний лысый мужчина, выглядевший в точности как папаша Уорбукс из фильма «Энни», а также его администратор и по совме-

стителю специалисту по питанию, в которой я узнала женщину, передавшую мне билеты на матч.

– Приятно с вами познакомиться, мисс Думас, – произнес тренер Лупе с довольно свирепой гримасой на лице, которая, как я потом узнала, была его обычным выражением.

Я пожала ему руку.

– Взаимно, сэр.

– Ой, бросьте. Просто Тренер. Меня все так зовут.

– Вот мы и встретились снова, – сказала женщина. Ее рукопожатие было легким, но уверенным. – Диана Вернер, я администратор, нутриционист, ну и иногда развожу билеты.

Я рассмеялась.

– Рада снова видеть вас, Диана.

Атмосфера в салоне показалась мне очень непринужденной и искренней, и я слегка заволновалась от осознания принадлежности к команде, которого мне так не хватало. Честно говоря, как профессионал я очень обрадовалась, что теперь могу не опасаться за физическую форму и здоровье Ремингтона Тейта, когда он будет выходить на ринг. Но особенно приятно, что я стану работать над этим вместе с другими людьми – тоже мастерами своего дела, с которыми нас объединяет общая цель.

– Брук! – Пит жестом пригласил меня пройти за ним следом.

По длинному, отгороженному занавесями проходу мы направились в заднюю часть салона, в другой отсек, где тоже

стояли четыре кресла. Мы прошли мимо большого телевизионного экрана и огромной отделанной деревом барной стойки к кожаной скамье, похожей на диван. На ней сидел Ремингтон Тейт с наушниками на темноволосой голове. Боже, это же более шести футов тестостерона!

Увидев его впервые при дневном свете, я почувствовала, как в моей крови разлилась волна адреналина. На нем были тесно обтягивающая могучий торс черная футболка и потертые джинсы с низкой талией – все это потрясающе смотрелось на его удивительно рельефном мускулистом и в то же время поджаром теле. Сидя в небрежной позе на краю красной кожаной скамьи, он походил на фотомодель.

Мое сердце опасно екнуло, потому что Ремингтон выглядел невыносимо привлекательно, как и всегда, и мне совсем не понравилось, что я обращаю на это внимание. Впрочем, полагаю, такая неприкрытая сексуальность, как у него, не могла не бросаться в глаза.

– Он хочет, чтобы вы к нему подошли, – сообщил мне Пит, я не могла не заметить почти извиняющихся ноток в его голосе.

Судорожно сглотнув, я неверным шагом направилась по проходу, но тут Ремингтон поднял голову, и наши взгляды встретились. Мне показалось, что его глаза странновато блеснули, но по выражению его лица сложно было что-то сказать. Он пристально наблюдал, как я шла к нему.

От его взгляда я так разнервничалась, что в середине гру-

ди у меня начало покалывать.

Передо мной сидел самый сильный мужчина, которого я только видела за всю свою жизнь, и я прекрасно понимала, что у меня срабатывает записанный в моих генах и ДНК инстинкт – стремление иметь здоровое потомство, побуждающее женщин совокупляться с теми, кого они воспринимают как доминирующего в сообществе самца. Близость Реми воспламеняла мою сексуальность. Но такая моя реакция, настолько непреодолимое влечение просто невозможны. Я бы никогда не поверила, что способна на подобное, если бы не заверения Мелани и не мое собственное ощущение вскипающей крови.

И как же мне теперь избавиться от такого наваждения?

Он слегка изогнул губы, словно вспомнив одному ему ведомую шутку, и я остановилась на расстоянии протянутой руки от него. Звуки рок-музыки прекратились, он резко выключил плеер, приглашая меня присесть справа от него. Я подчинилась, изо всех сил стараясь не поддаваться под его ошеломляющее воздействие.

Это все равно что воочию встретиться с кинозвездой – его невероятная харизма зашкаливала. От всего его стройного мускулистого тела исходила чистая первозданная сила, казалось, он был воплощением мужественности, но озорная мальчишеская улыбка придавала ему очарование, из-за чего он казался совсем юным и полным жизни.

До меня внезапно дошло, что мы с ним самые молодые

люди на борту самолета. Сидя рядом с ним, я ощущала себя совсем юной, словно снова стала подростком. Он насмешливо скривил губы, и, глядя, как он небрежно, почти чувственно откинулся на спинку скамьи, я подумала, что никогда, никогда в жизни не встречала столь самоуверенного мужчину – казалось, от его глаз ничто не ускользает.

– Вы уже познакомились с остальными членами команды? – поинтересовался он.

– Да, – с улыбкой ответила я.

Он смотрел на меня изучающим взглядом, на щеках играли ямочки. Солнечный свет падал на него под таким углом, что искорки в его глазах плясали. Длинные черные ресницы обрамляли бездонные голубые омуты глаз, которые манили и затягивали...

Я преисполнилась решимости вести себя профессионально, так как это был единственный способ нормально работать. Поэтому я небрежно застегнула пояс безопасности и приступила к делу.

– Вы наняли меня, чтобы я занималась конкретными травмами, которые вы получили в прошлом, или для профилактики?

– Больше для профилактики. – У него был хрипловатый голос, от которого по рукам у меня побежали мурашки. По его свободной позе – он сидел, полностью развернувшись всем своим большим телом ко мне – я поняла, что он не считает нужным прибегать к поясам безопасности у себя в са-

молете.

Понимающе кивнув, я позволила себе окинуть взглядом его мощную грудь и руки и тут же поняла, что глазею на него слишком откровенно.

– Как ваши плечи? Локтевые суставы? Может, хотите, чтобы я над ними поработала во время полета? Пит сказал, что нам лететь до Атланты несколько часов.

Вместо ответа он просто протянул мне ладонь. Она оказалась огромной, с еще свежими шрамами на каждой из костяшек пальцев. Я смотрела на нее, не сразу поняв, что он хочет, а потом взяла ее обеими руками. Я остро чувствовала исходящее от него тепло, которое просачивалось глубоко в мое тело. Кажется, его глаза потемнели, когда я принялась массировать его ладонь большими пальцами, ища мышечные узлы и зажимы. Прикосновение кожи к коже было таким волнующим, что я поспешила нарушить мертвую тишину, которая неожиданно воцарилась между нами.

– Я не привыкла иметь дело с такими большими руками. Руки подростков в академии массировать гораздо легче.

Странно, но он даже не улыбнулся, показав свои милые ямочки на щеках. Впрочем, я вовсе не была уверена, что он меня слышал, так сильно он был поглощен созерцанием моих пальцев, поглаживающих его ладонь.

– У вас это прекрасно получается, – произнес он глухо.

Я погрузилась в транс, разминая его ладонь со всеми ее поверхностями, впадинками и многочисленными мозолями.

– Сколько часов в день вы посвящаете тренировкам? – тихо спросила я. Самолет взлетел так беззвучно, что я даже не поняла, что мы уже в воздухе.

Он все еще разглядывал мои пальцы, опустив глаза.

– Обычно часов восемь. Два раза по четыре часа.

– Мне хотелось бы сделать вам растяжку, когда вы закончите тренироваться. Ваши специалисты это делают?

Он кивнул, все еще не глядя на меня, а потом вдруг поднял взгляд.

– А как обстоят дела с вами? Кто заботится о вашей поврежденной ноге? – Он жестом указал на бандаж, украшавший мою коленку, – моя юбка длиной по колено слегка поднялась, когда я села, и бинт выглянул из-под нее.

– Уже никто. Моя реабилитация закончилась. – Мне стало жутко неловко от мысли о том, что этот мужчина, возможно, видел то самое унижительное видео. – Значит, вы тоже пробили меня по интернету? Или вам об этом сообщили ваши сотрудники?

Он высвободил руку из моей и указал на злосчастную коленку.

– Дайте-ка взглянуть.

– Там не на что смотреть.

Но он продолжал сидеть, уставившись из-под темных ресниц на мою ногу. Я согнула колено и приподняла его на пару дюймов, продемонстрировав бандаж. Он схватил меня за лодыжку, раскрепил застежку-липучку и принялся рассмат-

ривать мое голое колено, поглаживая шрам на чашечке.

Теперь он прикасался ко мне совсем по-другому.

Его рука лежала на моем колене, и я ощущала жесткие мозоли его ладони. Я. Просто. Не могла. Дышать. Он слегка надавил на колено, отчего я прикусила губу и судорожно выдохнула.

– Все еще больно?

Я кивнула, думая лишь о его большой сухой ладони. Которая прикасается к моей голой коже.

– Я начала бегать без бандажа, но, наверное, этого не следовало делать. На самом деле, думаю, я так до конца и не восстановилась после травмы.

– Как давно это случилось?

– Шесть лет назад. – Помолчав, я добавила нерешительно: – И два года, как это произошло во второй раз.

– Значит, вы дважды повредили ногу? И чувствительность до сих пор сохраняется?

– Вообще-то боль довольно сильная. – Я пожала плечами. – Думаю, хорошо, что ко времени второй травмы я уже получила магистерскую степень по реабилитации. Иначе не знаю, что бы со мной было.

– Вы переживаете, что не можете участвовать в спортивных соревнованиях, как прежде?

Он смотрел на меня взглядом, полным искреннего интереса, и я удивилась тому, что вообще отвечаю ему. Я никогда ни с кем так открыто не обсуждала свои беды. Мне все-

гда было очень больно об этом говорить. Боль стала частью меня, она поселилась в моем сердце, в моей душе, в моем ущемленном самолюбии.

– Да, конечно. Вы ведь это тоже можете понять, правда? – тихо спросила я, и он отпустил мою ногу.

Ремингтон пристально смотрел мне в глаза, слегка поглаживая большим пальцем мое колено, а я следила за его движениями, пораженная тем, как легко ему удалось ко мне прикоснуться во время нашей беседы и как легко я ему это позволила. Затем он убрал руку, и мы некоторое время сидели в молчании.

Я снова надела бандаж, но у меня возникло такое ощущение, что кожу под повязкой облили бензином и, если Ремингтон снова ко мне прикаснется, она вспыхнет языками пламени.

Вот дерьмо.

Все это было настолько неправильно, что я даже не знала, что мне делать. Мои отношения с клиентами всегда складывались достаточно неформально. Они называли меня по имени, я их тоже. Нам приходилось проводить много процедур, у нас бывало довольно много телесных контактов, но сами они ко мне никогда не прикасались – это право принадлежало мне одной.

– Разомните и эту руку тоже.

С этими словами он протянул мне другую руку, сжатую в кулак, и я обрадовалась возможности привыкнуть к физиче-

скому контакту с этим мужчиной, чтобы без смущения выполнять свои профессиональные обязанности.

Слегка наклонившись набок, я взяла его кулак в ладони и распрямила ему пальцы. Он откинулся на спинку скамьи, положив на нее свободную руку – ту, что я только что разминала. Я не могла не замечать эту лежащую сзади меня руку, хотя она меня и не касалась, к тому же я была зачарована и по-прежнему странным образом взволнована контактом с его ладонью, крепкой, твердой и покрытой мозолями.

Я не понимала, почему он предпочел устроиться на скамье, а не в кресле, но тут его бедро оказалось в опасной близости от моего. Он сидел, согнув колени, с широко разведенными ногами, занимая довольно много места на скамье, в отличие от меня, и я могла явственно ощущать его запах.

Из отсека, где располагались наши четверо попутчиков, раздался оживленный смех, и Ремингтон посмотрел в ту сторону, а потом снова на меня. Я чувствовала его взгляд на себе, поглощенная тем, что разминала его ладонь большими пальцами, довольно сильно нажимая, чтобы почувствовать узлы. Так я продолжала прощупывать ладонь, а потом переключилась на запястье.

У него было самое широкое, самое крепкое запястье, которое я когда-либо видела; его предплечье, на котором проступали толстые вены, поднимающиеся вверх по руке к плечам, тоже поражало своей мощью. Придерживая его руку, я покрутила запястье и поразилась, насколько гибким и по-

движным был кистевой сустав. Я прощупала его предплечье, потом бицепс, который напрягался при каждом моем прикосновении. Закрыв глаза, я принялась глубоко разминать его мышцы. Внезапно он согнул руку, лежащую на спинке скамьи, обхватил ладонью мой затылок, склонился ко мне и прошептал:

– Посмотрите на меня.

Подняв голову, я увидела искорки в его глазах – казалось, он забавлялся. Я подумала, что он, очевидно, догадывается, что я завожусь. От стыда мне захотелось отбросить его руку, но все же не следовало вести себя столь откровенно, и я осторожно опустила ее и улыбнулась ему в ответ.

– Что вы хотите сказать?

– Ничего особенного, – ответил он, демонстрируя ямочки на щеках. – Просто я весьма впечатлен. Вы такая умелая и старательная, Брук.

– Так и есть. Посмотрим, что вы скажете, когда я доберусь до плеч и спины. Я собираюсь заняться вами основательно.

Он с лукавым видом поднял бровь – было видно, что он получает удовольствие от этой ситуации.

– Интересно, сколько вы весите?

Я моргнула от неожиданности.

– Я выгляжу худой, но на самом деле я довольно мускулистая.

Наклонив голову набок, он с насмешливым видом протянул руку и захватил мой не слишком выраженный бицепс

двумя пальцами. Слава богу, он у меня довольно твердый, в чем Ремингтон и убедился.

– М-м-м... – произнес он, и в его глазах засветились веселые искорки.

– Что значит это ваше «м-м-м»? – с опаской спросила я.

Он бесцеремонно схватил меня за руку и прижал мою ладонь к своему умопомрачительно сексуальному бицепсу. В тот момент он даже не сгибал руку, но от прикосновения к его гладкой упругой коже и твердой как камень мышце у меня перехватило дыхание. И в то же время в том, как он демонстрировал мне свой бицепс, было что-то невыразимо мальчишеское. Я заметила, что он внимательно наблюдает за мной с шаловливым выражением глаз, и невольно закусила губу.

Моя работа предполагает частые телесные контакты, было бы странно отдергивать руку. Поэтому, напротив, я позволила себе сильнее сжать его бицепс. Это было все равно что пытаться прощупать огромный камень, который совершенно не поддавался моим пальцам.

– Х-м-м... – теперь произнесла я с невозмутимым, как у игрока в покер, лицом, тщательно стараясь скрыть бушевавшие во мне эмоции. Надо сказать, я была совершенно ошеломлена и растеряна. Все чувствительные участки моего тела проснулись и невыносимо болели. Мои генетически заложенные инстинкты, побуждающие к совокуплению, разыгрались, кровь кипела.

Он засмеялся и снова провел ладонью по моей обнаженной руке, запустил пальцы под короткий рукав моей блузки и попытался прощупать трицепс на задней стороне руки. Мне показалось, что в его глазах появился какой-то бесовский блеск – он знал, что поймал меня. Это одно из самых уязвимых мест у женщины, ведь именно там легко определить процент подкожного жира в организме, просто защипнув кожную складку.

На его же теле не существовало ни одного места, где можно было обнаружить жир. Наверное, он тратит ежедневно не менее двенадцати тысяч калорий для поддержания мышечной массы, как тот знаменитый олимпийский чемпион – пловец Майкл Фелпс в период активных тренировок. И потребляет с едой калорий раз в пять больше, чем съедаю я для поддержания веса. Но в тот момент мне было не до математических расчетов. Его пальцы все еще прикасались к моей обнаженной коже под рукавом. На его лице опять появилась лукавая улыбка, в глазах прыгали озорные искорки. Что-то между нами изменилось, напряжение росло, атмосфера накалялась, и мне показалось, что не только мы оба ощущаем невероятное физическое влечение друг к другу, но и все остальные на борту самолета тоже это заметили.

– М-м-м... – мягко произнес он и слегка ущипнул меня за руку. Мы расхохотались.

Я смущенно кашлянула, не в силах больше выносить его прикосновений. Голова моя опасно кружилась, и мне это

определенно не нравилось. Поэтому я вытащила плеер и наушники из своей дорожной сумки, которую притащила с собой, и положила их на колени. Он устался на них, а затем схватил мой плеер, воткнул в него наушники и начал слушать мои записи, вручив мне свой. Я ознакомилась с его выбором, и мне абсолютно не понравились все песни. Он явно предпочитал чистую рок-музыку. Сбросив наушники, я забрала у него свой плеер.

– Кто, по-вашему, может под такое расслабиться?

– А кому понадобилось расслабляться?

– Мне.

– Возьми. – Он снова сунул мне свой плеер. – Тут есть кое-что, что тебе придется по вкусу. Послушай хоть одну композицию, а я послушаю, что любишь ты.

Он выбрал для меня какую-то запись, а я, поискав среди своих любимых, остановилась на весьма феминистской композиции Сары Барейлес под названием «Любовная песня», в которой девушка объясняет парню, почему она отказывается быть с ним. Эту песню я ему и поставила.

Я всегда питала слабость к тому, что называют песнями женской силы, и собирала их – старые и новые. Только их я и слушала в компании своих друзей. Представьте, даже у Кайла появилась привычка напевать их.

Поэтому, когда я надела наушники, чтобы послушать, что он выбрал для меня, то все мое тело сжалось, когда я услышала первые слова... Это была песня «Айрис» рок-группы

*Goo Goo Dolls*².

Я наклонила голову, чтобы он не заметил, как мои щеки залились краской. Я с трудом удержалась от того, чтобы не выключить плеер – было просто невыносимо слушать эту прекрасную песню, слова которой звучали так интимно.

«Я отдал бы вечность,
Чтобы прикоснуться к тебе...»

Странно, что он выбрал для меня именно «Айрис».

Конечно, я не решилась выключить музыку, даже когда он нагнулся и посмотрел мне в лицо, чтобы проверить мою реакцию. Его колено слегка коснулось моего, и меня словно ударило током, а волшебные слова продолжали звучать в моих ушах, говоря мне о том, что он готов был отказаться от вечности, лишь бы прикоснуться ко мне, о том, что он хочет спрятаться от всего мира, лишь бы я узнала, каков он на самом деле...

Я почувствовала, что невольно задержала дыхание. Да я и не смогла бы дышать, даже если бы захотела.

Он тоже слушал песню, которую я выбрала для него, и глаза его оказались совсем рядом, когда я, наконец, решилась на него посмотреть – я могла бы пересчитать каждую из его густых темных ресниц. Я могла бы поклясться, что его глаза

² *Iris* – песня группы *Goo Goo Dolls*, написанная для саундтрека к фильму «Город ангелов», стала самым успешным синглом группы.

были синее волн Карибского моря.

Тут его губы иронически изогнулись, и он с явной усмешкой тряхнул головой, чего я, правда, не заметила, потому что вслушивалась в последние слова песни «Айрис» из фильма «Город ангелов» – после его просмотра я плакала несколько дней подряд. Там парень буквально отказывается от вечной жизни, чтобы остаться с девушкой, в которую он влюбился, а потом происходит нечто трагическое и непоправимое, прямо как в фильмах, снятых по романам Николаса Спаркса.

Наконец, музыка смолкла. Я медленно сняла наушники и вернула их ему вместе с плеером.

– Вот уж не знала, что среди ваших записей есть такие медляки, – пробормотала я, хватаясь за свой спасительный плеер, который он передал мне.

Его голос звучал тихо и вкрадчиво.

– У меня тут около двадцати тысяч песен, так что чего только нет.

– Не может быть! – невольно воскликнула я и поспешила проверить... – Точно! А Мел еще думает, что всех перецеголяла, загнав в свой плеер десять тысяч композиций. Интересно, как она отреагирует, когда узнает, что посрамлена?

И тут мне в голову пришла странная мысль: почему же из всех двадцати тысяч песен он выбрал для меня именно эту?

– Ну как, понравилось? – Он смотрел на меня пронзительным взглядом, и я знала, что он заметил краску, залившую мои щеки. Но ничего не могла с собой поделать. Оставалось

лишь кивнуть в ответ.

Я начала нервно крутить в руках свой плеер, который все еще сохранял тепло его больших, загорелых, покрытых шрамами, но таких красивых рук. При этой мысли щеки мои покраснели еще больше, и я поспешила погрузиться в свой музыкальный мир.

Во время полета он время от времени передавал мне и наушники, и плеер и предлагал послушать какую-нибудь песню, а я подыскивала что-нибудь из своих любимых. Я не могла понять, что со мной происходит, но когда он, прослушивая очередную песню женской силы типа «Я выживу» Глории Гейнор, лениво улыбался с легким лукавством во взгляде, словно потешаясь надо мной, а на щеках у него появлялись ямочки, я чувствовала, что мое сердце тает, особенно если при этом он подсовывал мне что-то типа «Любовь причиняет боль» Дефа Леппарда.

Мне казалось, что я вот-вот умру, когда мощный бит в исполнении Доктора Дре потоком лился из наушников, ноты низкого мужского голоса наполняли мое тело и дерзкие, бесконечно возбуждающие слова песни отдавались у меня внизу живота. Слова эти были такими первобытными и чувственными, что я не могла не думать о том, кто сидел рядом со мной, и представляла, как мы касаемся друг друга, сливаемся в поцелуе и предаемся ласкам... мне была ненавистна промелькнувшая вдруг мысль, что именно этого результата он и добивался.

В Атланте меня поселили в один номер с Дианой, и мне понравилось, как аккуратно она расставила умывальные принадлежности и разложила по ящикам все свои женские штучки – совсем как это привыкла делать я сама. Она действительно оказалась замечательной соседкой – всегда жизнерадостная и позитивно настроенная. Нам было о чем говорить вечерами; мы обменивались рецептами здорового питания и болтали о том о сем, лежа каждая в своей огромной кровати.

Я узнала, что каждое утро она отправляется в местные магазинчики закупать самые свежие продукты и кормит Ремингтона только экологически чистой едой высочайшего качества строго по расписанию – каждые три-четыре часа. Именно по этой причине его тренировки были разбиты на интервалы три-два-три или четыре-четыре, если он принимал более тяжелую пищу. Этот парень ел как целых три взрослых и очень голодных льва. Огромные порции белковых продуктов. Множество овощей. А в течение получаса после тренировок, в так называемое углеводное окно, он поглощал столько углеводов, что даже я чувствовала перенасыщение при одном только виде того, как он уничтожает огромные порции батата и пасты.

Диана сдабривала свои блюда натуральными травами –

тимьяном, базиликом, розмарином, добавляла немного чеснока или кайенского перца или какую-то хитрую смесь специй, которую мне надо не забыть записать до отъезда. Она развелась с мужем в тридцать девять лет. Диана рассказала мне, что последний в этом турне поединок произойдет в Нью-Йорке, чему я немало обрадовалась, так как всю жизнь мечтала побывать там.

Назавтра назначили первый из двух боев в Атланте, и всю вторую половину предыдущего дня я провела в арендованном для Реми спортзале, ожидая, когда смогу помочь ему с растяжкой и сделать массаж после тренировок. Это был наш третий вечер здесь, и теперь я уже поняла, что Ремингтон Тейт тренируется как безумный.

В тот день он казался особенно неутомимым.

– По какой такой причине он так выкладывается в этот час? – неожиданно спросил Пит Тренера.

– Эй, Тейт! Хватит уже выпендриваться перед Брук! – крикнул Лупе, и мы услышали смех из противоположного конца зала, где Ремингтон немилосердно лупил изо всех сил боксерскую грушу на пружинах – будь это человек, он давно бы выбил из него душу.

– Гоняю его, гоняю, а он что-то никак не устает, – произнес Лупе, поворачиваясь к нам. Он озадаченно провел ладонью по лысой голове и посмотрел на висящий на шее таймер с еще более угрюмым видом, чем обычно. – Уже девять часов тут прыгаем, а он все еще как огурчик. Вот только не на-

до на меня так смотреть, Пит. Мы с тобой *оба* знаем, что это должно было случиться, после того как он...

Они резко повернули головы в мою сторону, словно не хотели говорить в моем присутствии, и я вопросительно подняла брови.

– Вы, очевидно, хотите, чтобы я ушла?

Лупе покачал головой и направился в конец зала, где Ремингтон продолжал самозабвенно колотить по груше, которая моталась в воздухе, как летучая мышь. Каждое движение его рук было предельно выверено, каждый удар попадал точно в центр снаряда, который стремительно отлетал назад. Звуки молниеносно наносимых ударов были ритмичными и гулкими: тадам-тадам-тадам...

– Девять часов тренировок в день – это уже слишком, разве вы так не думаете? Даже семь часов многовато, – произнесла я со своего места у стены, обращаясь к Питу. В тот день мы не соблюдали график четыре-четыре, и я поражалась тому, что этот парень все еще настолько активен и не собирается останавливаться.

Когда я тренировалась, готовясь к Олимпийским играм, я так не выкладывалась, и, честно говоря, столь жесткие тренировки Ремингтона приводили меня в недоумение. В тот день, например, он качал пресс, зацепившись ногами за перекладину и подтягивая торс к коленям, причем делал это с удивительной быстротой и, казалось, без малейших усилий. Он подтягивался на турнике, делал отжимания и мно-

жество других упражнений: шаги альпиниста, планку. Прыгал со скакалкой на одной ноге, потом на второй, скрещивая руки и поворачиваясь в разные стороны, так быстро, что я даже не видела веревку, которая ритмично хлестала по полу. После этого он переходил на ринг, где проводил бой с тенью или дрался со спарринг-партнером, а если партнер уставал и сдавался, переходил к тяжелой боксерской груше или упражнялся с мячом до седьмого пота.

– Ему нравится доводить себя до последнего издыхания, – объяснил Пит, внимательно наблюдая за ним. – Если к концу дня он еще сможет махать кулаками, он устроит тренеру головомойку за то, что не загонял его до смерти.

Реми продолжал заниматься еще в течение часа, постепенно замедляя темп, и когда Лупе свистнул мне, чтобы я подошла, я ощущала себя до предела измотанной только от того, что наблюдала за изнурительными тренировками Ремингтона Тейта.

Каждое его движение выглядело таким первобытно агрессивным, что я невольно приходила в возбуждение.

Даже когда он был в тренировочных штанах и свободной майке, невозможно было не заметить рельефные мускулы его торса под мокрой от пота хлопковой тканью, а полоска голого тела над низко сидящими тренировочными штанами, обтягивающими его узкие бедра, заставляла мои груди наливаться болезненной тяжестью. Боже, что же тогда чувствуют женщины, когда кормят грудью младенца?

Меня бросало то в жар, то в холод. Изо всех сил стараюсь подавить эти ощущения, я, еле переставляя ноги, побрела в угол, где Ремингтон стоял, уже сняв майку в ожидании меня. По его торсу текли струйки пота, и я знала, что тело его разгорячено, а перетруженные мышцы требуют отдыха – запасы гликогена в них истощились, уровень глюкозы в крови понижен и, когда я приближусь к нему, меня обдаст волной жара, как от горячего кренделька. При одной мысли об этом мне самой стало невыносимо жарко. Я так мечтала стать реабилитологом, помогать людям восстанавливаться, но такая работа предполагает много телесного контакта, а с таким мужчиной эта задача становилась весьма непростой. И вовсе не потому, что его мышцы намного сильнее и тренированнее по сравнению с моими, а потому, что при прикосновении к его бронзовой от загара коже я словно пьянела. Каждая клеточка моего тела оживала, и все ощущения сосредотачивались в той части тела, которая касалась Ремингтона. Боже, как же я ненавидела себя за потерю самоконтроля в такие минуты!

Я наблюдала за тем, как бугрятся его мышцы, когда он вытирался, небрежно проводя полотенцем по мокрым волосам, от чего они приобретали еще более восторженный и сексуальный вид. На мне были кроссовки и обтягивающий спортивный костюм, не затрудняющий движений при работе, и его потрясающие голубые глаза скользили по моему телу, когда я приближалась к нему.

Ремингтон слегка запыхался и даже не улыбнулся мне, а

потом опустил на скамейку, а я подошла к нему сзади и положила руки ему на спину.

Он застонал, когда я обхватила его плечи пальцами и, надавив на мышцы, начала массировать. При этом искорки возбуждения начали концентрироваться у меня внизу живота, но я постаралась подавить эти ощущения и сосредоточилась на своих движениях, пытаюсь расслабить его шею, трицепсы, бицепсы. Я массировала его грудные мышцы и старалась отбросить все женские эмоции, ощущая ладонями, как сжимаются его мускулы под восхитительно гладкой кожей.

Так мы проработали каждый сустав, снимая напряжение, и время от времени он издавал едва слышный, чуть ли не мурлыкающий звук, как довольный кот. Мышцы промежности у меня при этом сжимались, и как я ни старалась их расслабить, при каждом стоне Ремингтона спазм становился еще сильнее.

За это я ненавидела свое тело еще сильнее.

Похоже, все мои усилия, направленные на то, чтобы помочь этому мужчине расслабиться, заводили меня саму просто до безумия. Я утешала себя тем, что, по крайней мере, у меня сейчас есть работа.

Дыша глубоко и размеренно, я долго растирала дельтовидную мышцу – самую мощную часть плеча Ремингтона. Растягивала ее, перекачивала пальцами, а потом перешла к небольшой надостной мышце – так называемой вращающей манжете плечевого сустава, которая показалась мне наибо-

лее пострадавшей от нагрузок.

Он все еще прерывисто дышал, когда я закончила, только теперь и я почувствовала себя выжатой как лимон.

Тут раздался свисток Тренера.

– Ну на сегодня хватит. Марш в душ. А потом на ужин. Похоже, ты целого быка готов слопать сейчас. Завтра в шесть вечера ты должен быть в полной боевой готовности.

Ремингтон поднялся с пола, где мы работали над его спиной, и я вместе с ним. Его голубые глаза сверкали, и он сжимал мои пальцы чуть дольше, чем я ожидала.

– Тебе еще не надоело со мной возиться?

Я вспомнила наш разговор в самолете и усмехнулась.

– Пока нет. Но не беспокойся, все еще впереди. Если ты продолжишь так надрываться во время тренировок, то мы достигнем этого раньше, чем ты успеешь опомниться.

Он рассмеялся, небрежно накинул полотенце на плечи и направился в душ. Спустя пару часов он, скорее всего, уже спал мертвецким сном после такой изнурительной нагрузки. Я же, напротив, ворочалась в кровати, не в силах заснуть. Я уже три раза ущипнула себя за трицепс, снова убедившись, что не поправилась, но все равно в недоумении гадала, что означало его глубокомысленное «м-м-м»...

Я снова вспомнила наш разговор в самолете, ощущение его пальцев на моей руке и взгляд его голубых глаз, когда я направлялась к нему после тренировки, чтобы заняться его телом. Я думала о том, как он подшучивал надо мной все

последние три дня, что его явно забавляло, и отказывалась понимать, почему от этих мыслей все внутри у меня сжимается и волны то жара, то озноба прокатываются по телу.

У меня полетят надпочечники, если будут с такой силой вырабатывать адреналин.

Я попыталась думать о чем-нибудь другом, но не могла лежать спокойно, все время ерзала, испытывая острейшее желание выйти на улицу и пробежаться. Пробежаться так быстро, чтобы сердце выскакивало из груди, чтобы чувствовать эйфорию от выброса эндорфинов, а не те непонятные, раздражающие эмоции или нестерпимое желание, возникающие у меня всякий раз, когда я вижу Ремингтона Тейта. Хотя я и не призналась в этом Мелани, но я была твердо уверена в том, что он действительно испытывал ко мне желание в ночь нашего знакомства в Сиэтле. И я ломала голову, пытаясь понять, что же все-таки произошло и почему он просто нанял меня на работу.

Однако за возможность работать мне теперь придется расплачиваться сексуальной пыткой. Ну и ладно, как-нибудь переживу. Просто получше выстрою свою защиту от его чар завтра. Преисполнившись решимости, я схватила плеер с прикроватной тумбочки, включила музыку, готовая слушать что угодно, кроме песен, которые он ставил для меня в самолете.

Глава 4

Пробежка

– Реми! Реми, выходи на бой! РЕМИНГТОООООН!

Женщины, сидевшие позади меня, кричали во всю глотку.

Так что можете себе представить, насколько невообразимо трудно не думать о мужчине, когда все вокруг меня выкрикивали его имя, и особенно когда меня саму переполнял адреналин от предвкушения боя, который вот-вот начнется.

Меня вновь посетило восхитительное и такое знакомое чувство, что кипело во мне, когда я сидела среди зрителей в бойцовском клубе Атланты, ожидая выхода Ремингтона на ринг. Я ощущала себя так, словно сама участвую в соревнованиях и мое тело полностью готово к ним. Моя кровь кипела и стремительно неслась по жилам, надпочечники накачивали меня нужными гормонами, а разум был ясным, как только что промытый хрусталь. Я сидела неподвижно, но это всего лишь видимое спокойствие – спокойствие подготовки. Когда внешне все тихо, а внутри бушует пламя. Те несколько мгновений, когда ты внутренне сосредотачиваешься, собираешься, чтобы в нужный, точно рассчитанный момент вся твоя сконцентрированная внутри энергия вырвалась наружу в идеально спланированном взрыве.

Даже сейчас мое тело все еще помнило идеальное поло-

жение на низком старте, когда ноги упираются в стартовые колодки, руки лежат на черте, когда все чувства, кажется, сосредотачиваются на ожидании единственного звука – выстрела. И тогда всё – я имею в виду именно всё – отзывается на этот звук, ты за долю секунды переходишь от состояния неподвижности к стремительному бегу, и твое сердце пускается вскачь.

Теперь, похоже, единственное, чего я могу дожидаться, – это объявление его имени. Когда я наконец услышала: «Ремингтон Тейт РИИИИИП!», меня изнутри захлестнула волна, готовая нести меня вперед, но... бежать мне было некуда, внутренняя энергия не высвобождалась, и только сильнейшая боль пронизывала все мое тело. Боль, питающаяся все теми же гормонами, которые продолжали вырабатываться, и никакой человек не в силах остановить такой процесс.

Я вскочила с места, как и все присутствующие в зале, но это все, что я могла сделать, наблюдая за тем, как Ремингтон в своей умопомрачительной манере выходит на ринг. Толпа начала безумствовать, приветствуя его, и у меня мгновенно закружилась голова. Вот он нарочито медленно, с вызовом развернулся – живое олицетворение самых смелых фантазий женщины: взъерошенные черные волосы, загорелая грудь, улыбка с ямочками на щеках – просто убийственная улыбка – и это все Ремингтон Тейт. Он – само совершенство, и я почувствовала, как новая порция гормонов впрыскивается в мою кровь, когда он красовался перед толпой, так откоро-

венно выставленный на всеобщее обозрение в своих низких боксерских шортах и настолько ошеломляюще сексуальный, что сразу стал центром моей вселенной.

Да, именно так – центром моей вселенной.

С тех пор как я перестала участвовать в соревнованиях, я немного обросла жирком и теперь могу похвастаться здоровыми восемнадцатью процентами. Я стала более фигуристой, чем когда-либо, с небольшими дополнительными округлостями сзади и спереди. Но я никогда так остро не ощущала свое тело, все его внутренние и внешние резервы, как в те минуты, когда общалась с этим мужчиной. Я даже не знала, сумею ли когда-нибудь привыкнуть к этому, не знала, что могу сделать, чтобы не реагировать на него так остро и сильно. Смогу ли когда-нибудь позволить себе принять тот факт – да, приходится признать это, – что он лишает меня контроля над моим собственным телом.

– А теперь знаменитый и прославленный Оуэн Уилкс, Ирландский Кузнечик!

Пока его дерзкий рыжеволосый противник занимал свое место на ринге, Ремингтон пристальным взглядом обвел толпу, пока не заметил меня. Наши глаза встретились, у меня мгновенно перехватило дыхание, и губы расползлись в дурацкой улыбке. На его щеках появились ямочки, и лицо осветилось потрясающей улыбкой, такой же идеальной, как и его тело. Она пронзила меня, заставляя вибрировать каждый кончик моих нервов.

Я продолжала улыбаться как ненормальная, когда раздался гонг, и я вопреки своему желанию задержала дыхание, когда начался бой. Забавная парочка. Ремингтон выглядел как скучающий ротвейлер, а его противник, оправдывая свое прозвище, резво прыгал по всему рингу вокруг него, подобно маленькому задиристому кенгуренку.

Ремингтон быстро нокаутировал его, затем еще одного и еще... продолжая выигрывать один бой за другим, он выбил всех своих противников. Из того, что рассказал мне Пит, я поняла, что последние восемь финалистов из каждого города будут соревноваться в следующем из назначенных городов и все это сведется к большому бою в конце тура в Нью-Йорке, где два победителя будут участвовать в длинном 16-раундовом бою вместо нескольких 3-раундовых.

Между тем на ринг вышел человек, больше похожий на борца-тяжеловеса, чем на боксера. У него дряблый, объемистый брюшной пресс, и он примерно вдвое шире Ремингтона. Какое-то неистовое, животное чувство опасности сжало мне сердце, я вскочила на ноги с безмолвным криком «Не-ет!» И в этот момент боец, которого называли Мясником, нанес страшный удар в грудную клетку Реми. Удар был настолько силен, что я услышала, как из груди Реми вырывается дыхание.

Все внутри меня сжалось от ужаса, и даже когда Ремингтон через мгновение пришел в себя, мое сердце все еще продолжало неистово колотиться, отдаваясь в висках. Я при-

кусила губу, наблюдая, как он наносит несколько ответных мощных ударов по корпусу Мясника. При этом Реми двигался так плавно и в то же время стремительно, что я, загипнотизированная его гибкими сильными движениями, время от времени забывала, что он дерется с противником.

Мне нравилось смотреть на его сильные ноги с крепкими мышцами, которые позволяли ему удерживать великолепный баланс и двигаться стремительно и ловко. Я любовалась каждым изгибом его квадрицепсов, плеч, бицепсов, тем, как татуировка, обвивающая его руку, подчеркивает великолепно вылепленные плечи.

– У-у-у! – Толпа начала кричать, топать и свистеть после того, как Реми пропустил еще один мощный удар в верхнюю часть корпуса. Я вздрогнула, когда Мясник сразу же после этого нанес прямой удар в лицо, голова Реми дернулась назад, я увидела брызнувшие к его ногам капли крови и услышала, как снова шепчу: «Не-е-т!» Он выпрямился, мотнул головой, возвращаясь в прежнее положение и слизывая кровь с рассеченной губы. Но я не понимала, что происходит, почему он потерял бдительность.

Все выглядело так, словно он совершенно не защищался, и даже Тренер и Райли озадаченно хмурились из угла ринга, наблюдая за продолжением боя. Ремингтон всегда превосходно парировал удары, но он непонятно почему открыл для ударов Мясника верхнюю часть грудной клетки. Я не знала, что и подумать, и мне оставалось только с нетерпе-

нием ждать, когда все это закончится, потому что в тот момент знала и чувствовала единственное: каждый удар ужасного боксера отдавался в моем теле, словно нож, кромсающий мою плоть.

И когда после новой серии ударов Мясника Реми упал на одно колено, я поняла, что больше не вынесу. Мне захотелось умереть.

– Не-е-ет! – завопила я, подаваясь вперед.

Какая-то женщина рядом со мной, услышав мой вопль, приложила руки ко рту и закричала, как в рупор:

– Вставай, Реми! Вставай! Выбей из него все дерьмо!

Реми вскочил, вытирая кровь с губ, и я уже было выдохнула с облегчением, но в эту минуту его взгляд устремился в мою сторону, и он пропустил еще один страшный удар, отбросивший его прямо на канаты.

Мои нервы напряглись до предела, мне даже пришлось опустить голову и закрыть глаза – я просто не могла больше смотреть на ринг. У меня в горле начал набухать огненный шар, не позволяя мне сглотнуть. В том, как Реми пропускал удар за ударом, крылось нечто такое, что заставляло меня чувствовать себя совершенно беспомощной, как в тот день, когда я повредила колено и поняла, что уже ничего не смогу с этим поделать. И эта пассивность была для меня особенно мучительна. Меня глодала непреодолимая потребность выскочить на ринг и шарахнуть этого противного толстяка либо просто сбежать отсюда. То самое чувство, которое можно

выразить фразой: «Сражайся или беги!». Но вместо этого я просто сидела среди вопящей толпы и не чувствовала ничего, кроме ужаса.

Внезапно фанаты начали привычно скандировать: «Реми... Реми... Реми!»

И пока я сидела, сжавшись от страха взглянуть на ринг, там что-то поменялось, потому что в зале начался хаос, и все вокруг принялись громко скандировать: «Да-а-а! РЕМИ, РЕМИ, РЕМИ!»

В динамике прозвучал голос комментатора:

– Вот он, наш победитель, дамы и господа! РИП! Ри-и-п-та-а-йд! Да, мы все ждали этого момента! Кричите громче, дамы, о самом плохом парне, которого когда-либо видел этот ринг! Ри-и-п-та-а-йд!

Я вздрогнула и вскинула голову, потрясенная услышанным. Я увидела ринг в тот момент, когда дежурившие в зале врачи вытаскивали оттуда толстяка, и с изумлением поняла, что Ремингтон, похоже, сломал ему ребра.

Но моего парня на ринге уже не было. Что если у него тоже сломано ребро? Боже, что же там, черт возьми, только что произошло?

Торопясь изо всех сил, я пробралась сквозь толпу и направилась за кулисы, мое сердце все еще бешено колотилось, а тело жаждало действий. Я нашла Лупе, горячо спорящего с Райли о том, что «этот паршивец играет с огнем», и когда они заметили меня, Тренер резко отвернулся, а Райли пока-

зал пальцем сначала на меня, потом куда-то вверх, затем вытащил ключ от номера Реми из заднего кармана джинсов и протянул мне. Ни слова не говоря, я взяла ключ и поспешила в отель, который, к счастью, находился буквально за углом.

Ремингтона я обнаружила сидящим на низенькой скамеечке в ногах кровати. Его темные волосы, как и всегда, были красиво взъерошены, и хотя дыхание у него все еще не выровнялось, волна облегчения окатила меня, когда он поднял голову и на его лице появилась привычная ленивая улыбка, обозначающая только одну ямочку.

– Ну как, понравился бой? – спросил он чуть хриплым от обезвоживания голосом.

Я не могла сказать «нет», хотя и согласиться на самом деле тоже не могла, потому что это переживание оказалось для меня слишком сложным. И я просто ответила:

– Последнему из них ты сломал ребра.

Одна черная бровь приподнялась с изломом, выражая ироническое удивление. Осушив в несколько глотков последнюю бутылку *Gatorade*, Реми запустил ее кружиться по полу.

– Так ты беспокоишься о нем или обо мне?

– О нем, конечно, потому что он единственный, кто не сможет завтра встать.

Я сказала это шутливо, и он хмыкнул, но не улыбнулся.

И в ту минуту я каждой клеточкой тела ощутила, что мы здесь с ним совсем одни. Мои руки слегка дрожали, когда я

встала перед Реми на колени, чтобы приложить заживляющий гель к разбитой нижней губе. Она больше не кровоточила, но треснула прямо посередине. Время остановилось, когда я приложила палец к ранке. Его глаза слегка прищурены, он внимательно наблюдает за мной.

– О тебе, – прошептала я. – Я всегда беспокоюсь только о тебе.

Меня завораживал ритм его дыхания. Я была так близко, что, кажется, дышала с ним одним и тем же воздухом, остро чувствовала его запах – соленый и крепкий, как морской бриз, и поняла, что не могу противиться своей реакции на него. У меня закружилась голова, мозг вот-вот готов был растаять внутри черепа. Я представила, как склоняюсь к его влажной шее и провожу по ней языком, слизывая капельки пота, поблескивающие на коже.

Хмурясь от собственных мыслей, я закрыла баночку с гелем, но продолжала оставаться на коленях, раздумывая, стоит ли мне начать с массажа ног, раз уж я здесь.

– Я повредил правое плечо, Брук.

От звука моего имени, произнесенного хриплым голосом, у меня еще больше закружилась голова. А тон, каким он говорил, едва не свел меня с ума, но я прикрылась насмешкой и со вздохом сказала:

– Что ж, имея дело с бульдозером вроде тебя, было бы лишком глупо надеяться, что ты переживешь этот вечер, отделавшись только рассеченной губой.

– Так ты собираешься заняться делом и привести меня в порядок?

– Конечно. Кто-то же должен это сделать.

Я поднялась, подошла к кровати и, встав на край кровати на колени, взялась за плечи Реми. Меня больше не удивляло то, как каждая клеточка моего тела отзывалась на близость этого человека, – казалось, наши тела составляют единое целое, связанные через мои руки. Я просто закрыла глаза и позволила себе наслаждаться мгновениями, пока пыталась заставить мускулы расслабиться, но напряжение в них никак не желало уходить. Я удвоила усилия, пытаюсь промять правое плечо Реми, и тихо проговорила:

– Этот урод приложил тебя сюда довольно жестко. Тяжелый был удар. Так больно?

– Нет.

Мне показалось, я услышала в его тоне нотку веселья, но, возможно, ошиблась. Я сосредоточилась на его мышце, проминающейся и пружинящей под моими пальцами, и точно знала, что это очень больно. По крайней мере, так должно было быть.

– Я натру тебя арникой, а потом приложу холодный компресс.

Он сидел совершенно неподвижно, позволяя мне втереть немного мази в его кожу, но когда я перевела взгляд на его повернутое профилем ко мне лицо, то заметила, что глаза его плотно закрыты.

– Так больно? – снова спрашиваю я.

– Нет.

– Ты всегда говоришь «нет», но на этот раз я точно знаю, что это очень больно.

– Есть еще и другие части моего тела, которые болят гораздо сильнее.

– Какого черта?

Дверь номера со стуком открылась, и в спальню ворвался Пит. Таким злым я этого кроткого человека еще ни разу не видела. Черты его лица мальчика-хориста сегодня показались мне более резкими и совсем не такими ангельскими, как обычно, и даже его кудри, казалось, выражали возмущение.

– Какого? Черта? – громко повторил он.

Тело Ремингтона мгновенно застыло: мне показалось, что я пытаюсь массировать кирпичную стену.

– Тренер в ярости, – пояснил Райли, следуя по пятам за Питом. Даже он, всегда такой легкомысленный, выглядел в этот вечер мрачнее тучи. – Мы все желаем знать: какого хрена ты позволил этому жирдяю надрать тебе задницу?

В комнате мгновенно возникло странное возбужденно-гнетущее напряжение, и мои руки в то же мгновение замерли, впившись в плечо Реми сзади.

– Отвечай, это правда? Ты специально позволял ему избивать себя?

Райли сверлил своего подопечного мрачным взглядом.

Ремингтон не отвечал. Но его спина напряженно выпрямилась, казалось, напряглась каждая мышца.

– Тебе что, потрахаться нужно? – грозно спросил Пит, кивая ему. – Так ведь?

У меня внутри все сжалось, я поняла, что ни в коем случае не хочу больше оставаться здесь и выслушивать, как эти парни предлагают Ремингтону заняться сексом, поэтому я пробормотала – главным образом себе самой, поскольку никто больше в комнате не обращал на меня никакого внимания, – что-то о том, чтобы помочь Диане на кухне, и быстро выскользнула из комнаты.

Уже в коридоре до меня дошел смысл слов Пита.

– Дурень, ты не должен позволять делать это с тобой только для того, чтобы она могла помять тебя своими руками. Послушай, мы можем позвать для тебя нескольких девочек. Делай что хочешь, но не смей играть в эти проклятые игры, как обычный человек. Ты просто мучаешь себя, Рем, то, что ты из-за нее творишь, для тебя очень опасно.

Я резко остановилась, не в силах двинуться дальше, мне показалось, что мои ноги налились свинцом, а легкие превратились в камни. Парни, похоже, говорили обо мне?

– Ты все свои деньги поставил на себя в этом году, надеюсь, ты еще не забыл? – сказал Пит. – Теперь, дружище, ты должен победить Скорпиона в финале, несмотря ни на что. И в том числе на нее.

Голос Ремингтона звучал ниже, чем у других, но отчего-то

его мягкий рык прозвучал неизмеримо более угрожающе.

– Скорпион – гребаный покойник, так что сейчас просто отвали.

– Ты платишь нам, чтобы мы не давали вылезти этому дерьму, Реми, – резко возражает Пит, но его слова только заставили Ремингтона еще более угрожающе понизить голос.

– Я. Все. Держу. Под контролем.

Тишина, повисшая после его странных слов, произнесенных жутким шепотом, заставила меня сдвинуться с места, и я поспешила на кухню, где застала Диану, вытаскивающую из духовки небольшую запеченную индейку. От запаха розмарина и лайма у меня потекли слюнки, но это никак не помогло мне успокоить бешено колотящееся сердце.

– О чем так громко кричат эти парни? – спросила Диана, красиво раскладывая на блюде запеченного индюшонка и с гордостью разглядывая его со всех сторон.

– Сегодня вечером Реми крепко избили, – сказала я. – Именно об этом и шла речь. Ведь так?

Диана покачала головой, пробормотав:

– Клянусь, этот парень играет с огнем. Он балуется со своей красной кнопкой самоуничтожения, как никто другой...

Она замолчала, когда дверь за моей спиной распахнулась и я почувствовала, как большая сильная рука схватила меня за локоть и резко развернула на сто восемьдесят градусов.

– Хочешь пойти со мной на пробежку?

Льдисто-голубые глаза Ремингтона яростно сверкнули,

впившись в мое лицо, и я почти физически ощутила его неудовлетворенность и отчаяние. Эти чувства окружали его темным вихрем, и внезапно мне показалось, что он стоит на грани чего-то еще более угрожающего.

– Тебе нужно поесть, Реми, – укоризненно сказала Диана, не подходя, впрочем, ближе.

Ухмыльнувшись, он схватил со стола литровую бутылку молока и начал жадно пить большими глотками, пока не выпил все до капли, а потом отставил бутылку и вытер губы тыльной стороной ладони.

– Спасибо за ужин, – все с той же ухмылкой сказал он и, вопросительно изогнув бровь, с нетерпением обернулся ко мне. – Так как, Брук?

От этого взгляда и тона меня пробрала дрожь.

Мне совершенно не нравилось, что, произнося мое имя, он очень искусно нажимает на нужные кнопки.

Все происходило, как в каком-нибудь романтическом фильме.

Недовольная своей реакцией, я взглянула на его грудь и невольно подумала о том, что лучшее из того, что можно было бы сейчас с ним сделать, – это положить его в ванну со льдом. Но какое-то шестое чувство подсказало мне, что сегодня больше нельзя испытывать его терпение.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила я, стараясь говорить и выглядеть спокойной, а между тем внимательно рассматривая его.

– Я чувствую, что мне необходимо пробежаться. – Его глаза пристально всматриваются в меня. – А ты как, согласна?

Его просьба заставила меня колебаться. Просто никто, кроме легкоатлетов, по-настоящему не знает, что выбор того, с кем ты бежишь, невероятно важен.

Это может означать очень-очень многое!

Особенно если вы привыкли работать в одиночку. Как Ремингтон. И кроме Мелани, я никогда ни с кем не бегаю. Моя пробежка – это сугубо мое личное время. Время, чтобы подумать. Время, чтобы на чем-то сконцентрироваться. Тем не менее я согласно кивнула. Я подумала, что ему это и в самом деле нужно, и мне тоже очень нужно – вот уже несколько часов.

– Хорошо. Подожди только, пока я надену кроссовки и наколенник.

Через десять минут мы уже бежали по ближайшей к нашему отелю дорожке, которая представляла собой извилистую грунтовую тропу с редкими деревьями и, к счастью, хорошо освещенную ночью. Ремингтон в своей толстовке с капюшоном рассекал воздух в истинно боксерской манере, в то время как я просто наслаждалась прохладным ветерком, обдувающим мою разгоряченную кожу, и старалась не отставать. Я выбрала шорты для бега, спортивный топ с коротким рукавом и любимые кроссовки фирмы *Asics*, а на Ремингтоне была пара потрясающих кроссовок *Reebok*, которые заметно отличались от его высоких боксерок той же фирмы.

– А что с Питом и Райли?

– Отправились искать шлюх.

– Для тебя?

Не прекращая бега, он сделал несколько ударов в воздух.

– Возможно. Меня это не интересует.

Я не на шутку разочаровалась тем, что потеряла форму.

Всего полчаса бега в выбранном нами темпе, а мои легкие уже горели, и я сильно взмокла, несмотря на прохладный ночной ветерок. Я остановилась и, наклонившись вперед, уперлась ладонями в колени, показывая жестом, чтобы Реми продолжал бег.

– Давай, вперед. Я немного отдышусь, у меня спазмы.

Но он остановился и вернулся ко мне, пружинисто подпрыгивая, чтобы не дать остыть телу, а затем вытащил из переднего кармана толстовки упаковку электролитного геля. Протягивая его мне, он подошел совсем близко, и я почувствовала знакомый запах. Смесь ароматов мыла, пота и Ремингтона Тейта. У меня сразу же начала кружиться голова. Может быть, эти спазмы внизу живота вовсе не от бега, просто мои внутренности скручивало каждый раз, когда он случайно или намеренно касался меня?

Он немного отстранился и, с шумом втягивая воздух, наблюдал, как я открываю упаковку и выдавливаю немного геля на язык.

Кровь бешено пульсировала в моих венах, и что-то безумно интимное крылось в том, как прозрачные голубые глаза

Реми не отрываясь наблюдали за моим языком, когда я слизывала жидкость с принадлежащего ему пакетика.

Он даже перестал подпрыгивать и, тяжело дыша, спросил:
– Что-нибудь осталось?

Я протянула ему пакетик и сразу же почувствовала, как мои соски твердеют, и больше уже ни о чем не могла думать, кроме того, что он лижет место, которого только что касались мои губы. Мне до дрожи захотелось провести языком по ранке на его губе, отобрать у него пакетик с гелем и прижаться к его рту поцелуем...

– Это правда? То, что сказал Пит? Ты пропускал удары намеренно?

Когда он не ответил, я вспомнила о «красной кнопке», о которой говорила Диана, и разволновалась еще сильнее.

– Реми, иногда бывает так, что ты не можешь до конца восстановить то, что сломано. И уже *никогда* не сможешь.

Я специально выделила слово «никогда», но потом поспешно отвела взгляд и стала смотреть на далекую улицу и проезжающие мимо машины, опасаясь, что он услышит чересчур сильные эмоции в моем голосе. Из-за него я постоянно нервничала, и сейчас мне необходимо было взять себя в руки.

– Мне жаль, что так случилось с твоим коленом, – сказал он мягко, потом швырнул пакет в ближайшую мусорную корзину, несколько раз подпрыгнул, помахав кулаками – вправо, влево, и мы снова пустились бежать.

– Речь не о моем колене. Речь о том, что ты не относишься к своему телу как должно. Никогда не позволяй никому причинить тебе боль, никогда не позволяй навредить себе, Реми.

Он покачал головой и нахмурился, искоса поглядывая в мою сторону.

– Все не так, Брук. Я всего лишь подпускаю их достаточно близко, чтобы затем сделать с ними то, что хочу. Крошечная жертва ради абсолютной победы. Мои якобы ошибки придают им уверенность – они наносят пару ударов, и им начинает казаться, что я – легкая добыча, а вовсе не такой супербоец, о котором они слышали, и когда они начинают упиваться тем, как легко они бьют Ремингтона Тейта, я включаюсь и показываю все, на что способен.

– Что ж, отлично звучит. Мне это нравится гораздо больше.

Мы бежали еще около получаса или чуть больше, и после пяти миль я начала задыхаться, как старая собака, которая только что родила двенадцать маленьких щенков, ну или что-то в этом роде. Моя гордость страдала при этом не меньше, чем больное колено.

– Думаю, с меня довольно. Завтра мне, скорее всего, будет очень плохо, так что уж лучше я сейчас пойду и лягу спать, а то потом мне придется просить тебя отнести меня в отель.

– Я бы не стал возражать, – сказал он с восхитительным смешком и несколько раз наклонив голову из стороны в сто-

рону, побежал назад вслед за мной.

В гостиничный лифт вместе с нами вошли еще несколько человек, и Ремингтон натянул пониже капюшон и опустил голову, стараясь спрятать лицо. Очевидно, он делал это, чтобы его не узнали, и я не могла сдержать улыбки.

– Придержите лифт! – прокричали из вестибюля, и я, увидев бегущую к нам молодую пару, нажала на кнопку «Открыть дверь» и держала ее, пока они не запрыгнули внутрь лифта. И в эту минуту мое сердце замерло, когда я почувствовала, как Ремингтон обхватил меня за бедра и притянул к себе. А потом я поняла, что умираю, потому что он наклонился вперед и, изогнув шею, с шумом втянул воздух. О боже, он что, нюхает меня? Я сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь справиться с нестерпимым желанием – развернуться, уткнуться носом в его шею и лизнуть влажную от пота кожу.

– Тебе уже лучше? – спросила я, слегка повернув к нему голову.

– Да. – Он наклонился еще ниже, и его теплое дыхание коснулось моего виска. – А тебе?

Его феромоны действовали на меня словно наркотик, в горле вдруг пересохло, и я смогла лишь молча кивнуть ему. Его руки сжались на моих бедрах еще крепче, в ответ так же сильно сжались мои мышцы между ног, и я невольно застонала от боли.

Едва оказавшись в своем номере, я бросилась под душ

и сделала воду настолько холодной, насколько могла вытерпеть. Зубы у меня стучали, но тело продолжало гореть от возбуждения, и мышцы скручивались в узлы при мысли о нем. О нем. О нем.

После душа я рухнула в постель. Диана пробормотала «привет» и продолжила изучать книгу рецептов. Пробормотав «Спокойной ночи», я закрыла глаза и попыталась притвориться, что все нормально и мое тело не горит как в лихорадке.

Однако мне было так не по себе, что я не переставая вертелась под простыней, перебирая в уме события этого вечера – ужасный бой, невероятные слова, сказанные Питом Ремингтону, наша пробежка. Меня преследовал вид его сочного, сексуального рта с рассеченной нижней губой, обхватившего уголок пакетика с гелем. Вспоминая, как язык Реми выдавил из упаковки остатки геля, я невольно представляла, каково быть этим пакетом, почувствовать, как его губы скользят по моему языку, нежно его посасывают... похоже, я и правда начала сходить с ума.

Я отчаянно пыталась найти хоть какое-то облегчение от постоянного, изнуряющего гормонального буйства, вызываемого близостью мужчины. Я понимала, что должна принять это как неизбежность, чтобы научиться защищать себя, но просто не представляла, что смогу сделать. Его лицо, его запах, само его присутствие рядом сводили меня с ума. Да, я понимала, что он мой клиент, но он в то же время был мне...

как друг. Мне просто было необходимо касаться его. Я знала, что не могу поцеловать этот сексуальный рот, но могла, по крайней мере, разминать и растягивать его не менее сексуальное тело.

Он, должно быть, как следует разогрелся от нашей пробежки и вымотался после боя, а я жаждала прикосновений к его коже, как наркоман. Прежде чем я сообразила, что делаю, я натянула велюровый спортивный костюм, направилась в его номер и постучала в дверь.

Не знаю, что я собиралась ему сказать. Я ничего не знала, кроме того, что, вероятно, не смогу заснуть, пока его не увижу и, по крайней мере, не приложу лед к его избитой груди, или просто протру его ушибы противовоспалительным средством, или... я еще *не знаю*, что сделаю.

Почему он попросил меня пойти с ним на пробежку?

С чего это Пит взял, что он специально подставлялся под удары, чтобы у меня был повод прикоснуться к нему? Неужели он так сильно жаждал моих прикосновений?

Райли распахнул передо мной дверь. За его плечами я заметила в гостиной женщину в сексуальном прозрачном нижнем белье, танцующую на кофейном столике, и услышала из глубины номера еще один женский голос, произносивший: «...нам тут сказали, что ты хочешь развлечься с нами, Реми...»

– Да? – спросил меня Райли, а я просто посмотрела на него, как идиотка, и у меня сжалось сердце, потому что я

поняла, что это, конечно, те самые шлюхи, которых... я опустила голову, лихорадочно пытаюсь что-нибудь придумать, чтобы объяснить свое появление здесь:

– Я оставила тут свой смарт... О черт, вот же он. – Я посмотрела на мобильник в руке и со смущенной улыбкой закатила глаза, показывая, какая я глупая.

Впрочем, так оно и есть.

Черт, я действительно полная дура.

– Неважно. Забудь. Спокойной ночи, Райли.

И услышала глухой низкий голос Ремингтона из гостиной:

– Кто там еще?

Я помчалась в свою комнату и захлопнула за собой дверь, чувствуя, как все внутри меня немеет. На этот раз, возвращаясь в постель, я была почти уверена, что лихорадочное возбуждение теперь перестанет меня мучить, однако заснуть все равно не могла. Потому что теперь мое воображение полностью занимала женщина, которую Ремингтон жадно целовал своим потрясающим ртом, и этой женщиной, облизывающей его разбитые губы, которые я должна была бы смазать заживляющей мазью, к сожалению, была не я.

Сегодня Реми во время тренировки дрался так, как, по мнению Тренера, ему следовало бы биться вчера.

Тем не менее он нокаутировал двух своих спарринг-парт-

неров, и Лупе не на шутку разозлился.

– Это просто твои помощники, Тейт. Если бы ты перестал сбивать их с ног, просто расслабился и с удовольствием работал над своими движениями, у тебя все еще оставался бы кто-то, с кем сегодня тренироваться... А теперь нам придется на этом закончить, так как спарринг-партнеров у меня для тебя больше нет.

– Тогда перестань доставать меня, Тренер, – фыркнул он с ринга. – Пришли сюда Райли.

– Ха. Даже если бы он был самоубийцей и согласился на это, мне нужно, чтобы завтра он был в сознании.

– Послушай, я знаю толк в спарринге, – сказала я Райли. Мы стояли вместе с ним за одним из углов ринга и наблюдали за тренировкой.

Его белокурая голова резко повернулась в мою сторону, и он потрясенно воскликнул:

– Эй, ты ведь не собираешься подняться туда, к этому парню?

– Разумеется, собираюсь. Я могу показать ему движения, которых он никогда еще не видел, – хвастливо заявила я, но, честно говоря, мне просто хотелось получить возможность выбить все дерьмо из Ремингтона за то, что он такой отъявленный бабник и за то, что заставляет меня думать о себе день и ночь. А еще за то, что лизал пакет с электролитом после меня.

– Ладно, Рем, у меня есть кое-что для тебя, – крикнул Рай-

ли, хлопая в ладоши, чтобы привлечь его внимание. – И я точно знаю, что на этот раз он не станет нокаутировать своего противника, Тренер, – прокричал он Лупе, стоящему в другом углу ринга, и засмеялся, махнув мне ладонью.

Наблюдая за тем, как я в облегающем черном спортивном костюме запрыгиваю на ринг, Ремингтон медленно снял боксерский шлем и бросил его в угол ринга на пол. Он неотрывно разглядывал меня, как всегда. «Вот какой он, – думала я, – не может не пожирать меня глазами каждый раз, когда мне приходится приближаться к нему». Но когда я подошла, то обнаружила, что его глаза весело блестят, а по лицу расплзается насмешливая улыбка, и это раззадорило меня еще сильнее.

Очевидно, он сегодня действительно был не в духе, насколько я – и его павшие спарринг-партнеры – могли судить. Но и собственную раздражительность я тоже оценивала в десять баллов. Даже кофе не поднял мне настроения этим утром, и сейчас я сознательно рвалась в бой. Пусть я и проиграю, но просто мне необходимо с кем-нибудь подраться.

– Не надо так улыбаться. Я смогу сбить тебя с ног, – предупредила я его.

– Поверить не могу, это что, кикбоксинг? Или ты собираешься еще и кусаться?

Я высоко подняла ногу для удара, точно как в кикбоксинге, но Реми очень мягко отклонил ее и, приподняв бровь, насмешливо посмотрел на меня.

Я попыталась нанести еще один удар, от которого Реми снова легко ушел, а я отметила, что он стоит в центре ринга, в то время как мне приходилось обходить его по кругу. Я знала, что безнадежно уступаю ему в силе, но мой план состоял в том, чтобы закружить его своими перемещениями по рингу, а затем и в самом деле попытаться сбить с ног. То, что я собиралась сделать, Райли называет «плетением». Это означает просто двигаться вокруг противника кругами то в ту, то в другую сторону, сбивая его с толку обманными движениями, чтобы тот начал допускать ошибки и промахи. Поэтому я начала «плести» вокруг него, и он явно очень увлекся моими телодвижениями и маневрами, пока я не решилась нанести ему удар. Он легко перехватил мою руку и опустил вниз.

– Не так, – мягко упрекнул он и, обхватив мою ладонь своей лапищей, показал, как нужно правильно сжимать кулак. – При ударе нужно выпрямить кости предплечья – локтевую и лучевую – в одну линию с запястьем. Запястье не должно быть расслаблено, поэтому держи его совершенно прямо. Теперь начинай удар с руки, согнутой к лицу, напряги костяшки пальцев и, когда бьешь, поверни руку так, чтобы локтевая и лучевая кости и запястье ощущались единым монолитом. Сделай это.

Я сделала, как он сказал, и он одобрительно кивнул.

– Теперь используй другую руку для защиты.

Я согнула руку, чтобы прикрыть лицо, и принялась нано-

сильно удары один за другим, не сразу заметив, что он защищается, но не контратакует.

Адреналин уже кипел в моей крови, и я не сразу поняла отчего – от нашей шуточной борьбы или из-за голубых глаз, так пристально следящих за каждым моим движением, – я почувствовала, как меня словно ударило электрическим током.

– Покажи мне движение, которого я не знаю, – задыхаясь, попросила я, наслаждаясь всем происходящим больше, чем сама ожидала.

Он потянулся к моим рукам и сложил их так, чтобы кулаки защищали лицо.

– Ладно, давай выучим один-два новых удара. Опустит подбородок и всегда закрывай лицо кулаками, вот так, а туловище – прижатыми к телу локтями, даже когда наносишь удар. Сначала свинг слева, – он отвел мне руку и показал, как с размаху ударить его кулаком в челюсть, – а теперь перенеси вес на другую ногу, чтобы повторить такой же удар справа. Здесь нужна хорошая работа ног. Вся сила удара должна идти вот отсюда, – он ткнул пальцем мне в середину груди, затем прочертил линию к плечу и по моей голой руке опустился к моему кулаку, – и направь эту силу прямо к своим костяшкам пальцев.

Он показал мне двойной удар, двигаясь медленно и четко, я попыталась повторить его и почувствовала, как капельки пота стекают по моей шее и груди. Удар левой, перемещение

и более сильный удар правой.

Его глаза радостно сверкнули.

– Попробуй еще раз. Второй раз бей в другое место. – Он встал в позицию, открыв ладони, чтобы ловить мои удары.

Я послушно быстро ударила его по левой ладони, он играючи поймал мой удар, а я с силой ударила другой рукой. Мои удары были вполне точны, но я понимала, что нужно вложить в них больше силы.

– Давай двойной удар левой. – Он перехватил мои кулаки поднятой рукой и скомандовал: – А теперь бей с правой. Хорошо, умница!

Я решила удивить его и нанесла правой сильный удар в его пресс, который рефлекторно сократился под моим ударом, превратившись в камень, а мою руку пронзила острая боль. Но даже он, похоже, удивился, что у меня получилось достать его.

– Я лучшая! – заявила я, поддразнивая его, показала ему язык и отскочила назад, пружинисто, как он, перепрыгивая с ноги на ногу.

Однако он совершенно не заметил этого, потому что все его внимание, похоже, сосредоточилось на моей подпрыгивающей груди.

– Отлично, – наконец кивнул он, возвращаясь в стойку. Его глаза потемнели, отчего у меня внутри все начало плавиться от жара, и я решила, что более подходящего момента, когда он отвлекся на моих девочек, мне уже не выбрать.

Я размахнулась, как меня учили на курсах самообороны. Ноги – самая сильная часть женского тела, тем более тела бывшего спринтера. Я задумала ударить Ремингтона по ахиллесову сухожилию подушечкой ступни и сбить с ног – не только его большое тело, но прежде всего его это.

Однако он начал двигаться в тот же миг, когда я замахнулась, и вместо сухожилия я ударила по его боксерской кроссовке. Острая боль пронзила мою лодыжку, я охнула. Он поспешно схватил меня за руку и выпрямил, озабоченно нахмурившись.

– И что это было?

Я скривилась.

– По моему плану ты должен был упасть.

Он несколько мгновений хмуро смотрел на меня. Его лицо потемнело и приняло какое-то отрешенное выражение.

– Ты что, издеваешься надо мной?

– Ничуть. Я опрокидывала этим приемом людей гораздо тяжелее тебя!

– Да чертово дерево рухнет раньше, чем Реми, Брук, – прокричал из своего угла Райли.

– Ну, это-то я теперь вижу, – проворчала я и, прикладывая ко рту ладонь вместо рупора, крикнула в ответ: – Спасибо, что вовремя предупредил, Райли.

Бормоча что-то себе под нос, Реми за руку притащил меня в угол, рухнул на стул и, поскольку сесть там больше было не на что, усадил меня себе на колени, чтобы проверить мою

ногу.

– Ты разбила себе лодыжку, да? – спросил он резко, и я впервые услышала его голос таким раздраженным.

Он действительно рассердился на меня.

– Просто я, кажется, неправильно перенесла вес на лодыжку, – неохотно призналась я.

– Почему ты ударила меня? Ты на меня злишься за что-то?

Я нахмурилась.

– С чего бы мне злиться?

Он пристально смотрел мне в глаза и выглядел при этом пугающе серьезным и определенно раздосадованным.

– Это ты мне скажи.

Опустив голову, я посмотрела вниз на свою лодыжку и поняла, что не желаю выворачивать душу ни перед кем, кроме Мелани.

– Эй, кто-нибудь, принесите сюда воды! – крикнул он, и в его словах прозвучало явное разочарование.

Подошел Райли с бутылками *Gatorade* и простой воды и поставил их на пол ринга у моих ног.

– Давайте заканчивать, – сказал он Реми, а затем с озабоченным видом повернулся ко мне: – Ты в порядке, Би?

– В полном. Позвони мне завтра, пожалуйста. Не могу дождаться, когда снова выйду на ринг, чтобы сразиться с этим пижоном.

Райли рассмеялся, но Ремингтон даже не удостоил его

взглядом. Он склонил свою темную голову, осматривая мою лодыжку. Его грудь и шея взмокли от пота, когда его большие пальцы осторожно пощупывали мне кости.

– Тут больно, Брук?

Я решила, что он волнуется. От внезапной нежности, прозвучавшей в его голосе, у меня перехватило горло, сама не знаю почему. Так, например, бывает, когда ты просто падаешь и тебе совсем не больно, но ты все равно плачешь, потому что чувствуешь себя униженной. Но я уже падала на виду у всего мира и сейчас сожалела, что так отчаянно плакала тогда, поэтому и теперь не хочу сломаться перед самым сильным человеком в мире.

Я потянулась к травмированной лодыжке, но он не убрал ладони, и наши пальцы вместе обхватили мою ногу, и все, что я чувствовала, – это его горячие пальцы на моей коже.

– Ты вешишь целую тонну, – жалобным голосом сказала я, словно он виноват в моем идиотском поведении. – Если бы ты весил чуть меньше, я бы тебя свалила. Мне даже удавалось несколько раз сбить с ног своего инструктора.

Он поднял голову и хмуро посмотрел на меня.

– И что мне на это сказать?

– Может быть, извиниться? Ради моей гордости?

Он покачал головой, явно все еще раздраженный, а я, сардонически улыбаясь, протянула руку к бутылке с *Gatorade* и отвинтила крышку.

Его взгляд впился в мои губы, когда я сделала несколько жадных глотков, и вдруг почувствовала, как кое-что безошибочно узнаваемое уперлось мне в ягодицы. Когда прохладная жидкость потекла по моему горлу и ниже, я ощутила, как горит, словно в лихорадке, все мое тело.

– Можно глотнуть немного? – странно охрипшим голосом попросил он, указывая на спортивный напиток в моей руке.

Я кивнула, он выхватил у меня *Gatorade* и поднес ко рту. В ту же секунду гормоны разом выплеснулись в мою кровь при виде его губ, прижатых к горлышку бутылки.

Прямо к тому месту, которого только что касались мои губы.

Я смотрела, как он глотает, как двигается его горло, затем он отнял бутылку от влажных губ, и когда вернул ее мне, наши пальцы соприкоснулись. Молния пронзила мое тело и я как замороженная наблюдала за тем, как темнеют его глаза, когда он пристально, без всякого намека на смех смотрел на меня. Я машинально, скорее чтобы скрыть свою нервозность, сделала еще один глоток, а он все так же продолжал смотреть, и губы его не улыбались. Эти полные, невероятно красивые, чуть влажные губы. С незажившей еще ранкой. Той самой, по которой я так хотела провести языком. Пружина ненасытного желания начала разжиматься где-то глубоко внутри меня. И это было больно. Я полулежала у него на коленях, осознавая, что его мощная рука обнимает меня за талию и что я еще никогда не была так близко к нему. На-

столько близко, что могла прикасаться к нему, могла поцеловать, прижаться всем телом. И я вдруг почувствовала, что умираю и лечу куда-то в бездну. Я просто не могла больше притворяться, что эта близость не имеет для меня значения. Я хотела его. Я так сильно хотела его, что не могла нормально мыслить. И это было проблемой. Огромной проблемой.

Я никогда еще не испытывала ничего подобного.

Я знала, что это безумие и этого никогда не произойдет, не должно никогда случиться, но ничего не могла с собой поделать. Это походило на мое участие в Олимпиаде – то, чего у меня никогда уже не будет, но чего я жаждала всем своим существом. И мне была совершенно невыносима мысль о том, что меньше двадцати четырех часов назад он обнимал одну, а может быть, и двух женщин, тогда как я больше всего на свете хотела оказаться на их месте.

Вновь раздосадованная этим воспоминанием, я попыталась осторожно выбраться из его рук и встать, но он вытащил из моей руки напиток, отставил его в сторону, затем схватил два полотенца из корзины и обернул одно вокруг своей шеи, а другое – вокруг моей, все это время придерживая меня за талию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.